

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

САВЕЛОВ СЕРГЕЙ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

КНИГА 2

Сергей Савелов

Новая жизнь. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48830997

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение книги Новая жизнь. Жизнь и приключения главного героя Воронова Андрея, бывшего офицера-разведчика, покалеченного на афганской войне продолжают в новой постсоветской России. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Июль-август 1992 года.	4
Деревня.	15
Деревенские знакомства.	44
Адаптация.	58
Стычка с бандитами.	92
Неожиданные гости.	105
Встреча с руководством колхоза.	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Глава 1. Июль-август 1992 года. Выбор.

– Что это? Ты чего выдумал? – директор с негодованием отбросил мое заявление об увольнении по собственному желанию.

«Не вовремя я со своими желаниями!» – понял.

– Чего, тебя-то не устраивает? Все условия создаем, только работай! В такое время собрался уходить! – продолжил он негодовать.

Сан Саныча понять можно – ему и так приходилось крутиться, чтобы удержать предприятие на плаву, а тут остается без начальника важнейшая для комбината транспортная служба. Подходящей замены нет и транспортный участок вскоре вновь может скатиться к анархии, но и оставаться мне нельзя. «Придется объяснить мое положение. Он мужик, понимающий, и от него зависит, чтобы меня рассчитали быстрее!» – решил.

– Вы слышали, что случилось с моей девушкой? – взглянул на собеседника исподлобья.

Дождавшись его кивка, продолжил:

– Недавно был убит виновник ее смерти Гулуев младший, а в милиции решили – вместо того, чтобы искать преступника, обвинить в его смерти меня. Некоторым оперативникам

показалось, что моя кандидатура самая подходящая на роль убийцы. Знающие систему люди посоветовали уехать из города на время, а там может «ишак сдохнет или падишах», – вспомнил историю с Хаджи Насреддином. – К тому же, если Гулуева старшего – отца погибшего убедят в моей вине, то он может захотеть отомстить незаконными способами, а я не хочу получить ножом в спину или принять кирпич на голову, – добавил.

Некоторое время директор вглядывался молча в меня, а потом признался:

– Я понимаю твои опасения, но не могу поверить, что можно в наше время незаконно обвинить человека в убийстве, а Гулуев способен решиться на крайние меры. (Кивнул, соглашаясь).

– Избивать прямо в милиции задержанного человека в наручниках можно? – демонстративно пощупал верхнюю челюсть там, где чиркнул кулак оперативника.

– Вот даже как? – задумался собеседник. – Куда же ты собрался и на какое время? – поинтересовался.

– Еще не решил. Есть знакомые по прежней службе..., – признался, а сам подумал: «Так я и сказал!»

Я уже начал прикидывать места, где можно затеряться от потенциальных ищек. В первую очередь в Москве у Терехова или в Питере у Егора. К ним можно было ехать сразу и без предупреждения, но были и другие варианты. Мне хотелось понаблюдать за дальнейшим развитием событий из укром-

ного места если не из города, то откуда-нибудь поблизости, ведь здесь останутся доступные для недоброжелателей близкие мне люди – Олег с Мишкой и, если понадобится, вмешаться. Тогда уже мне будет плевать на собственную жизнь или свободу, если всерьез наедут на них, и на одном трупе я не остановлюсь.

– Хорошо! – голос директора прервал мои мысли. – Я отпущу тебя при одном условии, – вернул к себе заявление он и пояснил на мой удивленный взгляд: – Когда все закончится, ты вернешься на комбинат! – размашисто расписался и толкнул листок в мою сторону. – Иди, зарегистрируй у секретаря, получи обходной листок и отнеси в бухгалтерию. Я попрошу, чтобы тебя рассчитали без задержек.

– Спасибо вам, Александр Александрович! – поблагодарил от всего сердца.

– Иди Андрей, а я попрошу братца, чтобы присмотрел за этим делом и не допустил беззакония. Все же Председатель Совета народных депутатов не последний человек в городской иерархии, а Главой района и его заместителем из-за жадности и беспринципности недовольны многие руководители и предприниматели города.

Галина Петровна сдержала свои эмоции, услышав о моем предстоящем увольнении, а у Павлова обрадованно сверкнули глаза за стеклами очков. Чтобы омрачить его радость передал связку ключей от многочисленных подсобок и складов с запчастями Милюкову.

.....

– Когда и куда поедешь? – поинтересовался Олег на мое сообщение. – Сдаться без борьбы решил?

– Думал уже ..., – отмахнулся от обвинения. – Временное отступление еще не капитуляция, а бороться с системой не собираюсь, бесполезно. Надо время выгадать и отъехать из города, чтобы не мозолить глаза правоохранительной системе – пусть ищут настоящего преступника, а не ломают голову над тем, как подставить меня! Хочу тебя попросить поселиться временно в моей квартире, чтобы там случайно не оказалось наркоты, моей обуви, одежды или ножа с кровью Гулуева. В твоём присутствии будет труднее организовать улики, если не превратишь мою квартиру в проходной двор для алкашей, и сам не будешь нажираться!

– Видик, цветной телик, горячая вода, бар, телефон – мечта, а не жизнь! Надеюсь, ты алкоголь не весь с собой забереешь? – начал он дурачиться, но глаза при этом оставались серьезными.

Не обращая внимания на его шутки, высказался с беспокойством:

– Боюсь, что в мое отсутствие на вас с Мишкой наезжать станут из милиции или еще кто, выясняя, куда я делся или для того, чтобы мне отомстить.

– На меня наезжать бесполезно, а вот Мишка...? Может, забереешь его с собой? – тоже забеспокоился друг.

– А бабушка, школа? Мне какое-то время, наверное, сто-

ит залечь где-то недалеко. Если будут беспредельничать, то смогу ответить таким беспределом...! – повысил голос.

– Хотелось бы увидеть тебя грязным, бородатым, вонючим, одетым в рваньё бомжом! – хмыкнул. – Есть у меня несколько знакомых из этой среды ..., – засмеялся, – а если серьезно, то можешь остановиться у Любкиных родителей в деревне – от города недалеко и по телефону общаться можно, – предложил.

– Где это? – заинтересовался.

– Красное Село находится от города в двадцати-двадцати пяти километрах на юг. Лес с грибами и ягодами, рыбалка, самогона море, бабы голодные! – мечтательно закатил глаза, придуриваясь, – но мне нельзя, к сожалению – надо твое добро сторожить! Можешь и Мишку туда забрать! – встретился. – Пусть пацан отдохнет от города, парного молочка попьет, побегает на свежем воздухе, ты ведь жмешься ему на путевку в пионерский лагерь, а теща только рада будет – Любка дочку редко привозит, а старикам хочется понычаться с внучкой. Представляешь, придумали в детском саду – стоит день пропустить, без анализов ребенка уже не пускают назад! – воскликнул возмущенно. – А ради детских анализов на глист, педикулез и прочее надо с работы на день отпрашиваться!

Я помнил радостные воспоминания из детства, когда отец отправлял меня в период летних каникул к своим родственникам в деревни. Пусть и у Мишки будет радостное счаст-

ливое детство, о котором с удовольствием будет вспоминать в зрелые годы.

– А ты на что? – упрекнул друга в отсутствии заботы о дочке. – А насчет Мишки – подумаю. Вероятно, ты прав – со мной ему будет безопасней. На что еще решатся беспредельщики?

– Во-во! А за бабулей я присмотрю, – поддержал. – Любка мне дочку не доверяет, – смутился, – боится, что не удержусь и напьюсь....

– Завтра поедem к нотариусу – оформлю тебе доверенности на машину и получение моей пенсии.

– Зачем мне машина? – удивился.

– На всякий случай, – отвел я взгляд, – мало ли как все повернется!

«Вдруг придется все срочно бросать и скрываться в глубине России, а то и за границей. Надо быть готовым к самому из худших сценариев! Все-таки жестокая расправа пусть и с подлецом – это не шутка! Искать убийцу будут всерьез и долго!» – добавил мысленно.

– Завтра рассчитываюсь с комбинатом, оформляем бумажки, собираюсь, и едем! – подвожу итог.

– Водку с пивом надо закупить в дорогу – там, в основном самогон пьют, а пива не бывает. Тесть – любитель выпить, мы с ним когда-то так отрывались ...! – мечтательно вспомнил с улыбкой. – Ох и гоняли нас жены! – улыбнулся. – Или мы их ...? – задумался.

«Надо свой памятный афганский трофей – пешкабз спрятать! Вдруг захотят обыскать квартиру, найдут нож с лезвием в сорок сантиметров, признают незаконное хранение холодного оружия и конфискуют, а потом «затеряют». Сразу видно, что ценная вещь, старинная и камешки в рукояти не простые, но для меня бесценен, как память об одном из рейдов», – подумал о возможной проблеме. Теперь нельзя расслабляться и думать придется много.

....

– Я с тобой хочу! – застыл Мишка в дверях со слезами на глазах.

Выдержал паузу, размышляя, что лучше – взять пацана сразу с собой или потом. Если меня всерьез будут искать, то без опроса парнишки не обойдутся. Самые интенсивные поиски ведутся в первые недели, а то и дни, а потом наваливаются другие проблемы, дело зависнет у следователя прокуратуры, пока не окажется среди подобных «глухарей», если не признается в содеянном какой-нибудь идиот или не докажут, что Абрек под воздействием наркотиков самоубился и покалечил себя сам.

«Вероятно, лучше все-таки было спустить труп в реку. Там бы долго не нашли, если живот у трупа вспороть и груз потяжелее привязать, а за это время рыбки с раками бы объели тело до косточек и криминал не доказать! Я же захотел, чтобы все знали – любое преступление наказуемо, противореча самому себе и сейчас сомневаюсь. То, что насильник ис-

пытал ужас и пожалел о содеянном перед смертью – это правильно. Его подельники приссали и вероятно разбежались, узнав об ужасной смерти дружка. Другим беспредельщикам – наука и население на моей стороне, так что все правильно!» – пришел к выводу.

«Глухарем» – нераскрытым преступлением в правоохранительных органах больше или меньше, уже не важно. Не все знают, что большинство раскрываемых преступлений основано не на доказательствах, как пишут в книгах и показывают в фильмах, а на признании преступника или на подставке улики и обвинении невинного, а в этом я милиции помогать не собираюсь, докажут мою вину, пойду по этапу – на зоне тоже люди живут. Попытаются подставить на чем-нибудь – побарахтаюсь, а то и отмщу, ведь они такие же люди. Мишку придется забрать с собой – вдруг у него не получится правдиво соврать, хотя и врать нечего, когда будут у него допытываться о моем местонахождении. А если старший Гулуев натравит на нас бандюков, то не возникнет желания взять его в заложники. Хотелось бы конечно, чтобы не связывали мой и его отъезд, но тут уж как получится

Между тем, Олег стал подшучивать над напряженно ожидающим моего решения пацаном:

– Ничего, Миха! Будешь письма писать своему покровителю. Не забыл еще письменность за каникулы? Смотри, ошибки буду проверять!

– Со мной поедешь! – кивнул головой. – Собирайся, куда

уж без тебя! Пойдем, обрадуем бабушку....

– Ии-и! И куда? – радостно взвизгнул и подскочил подросток.

– Тебе не все равно? Может и за границу, – с улыбкой наблюдал за непосредственным мальчишкой. – Только знай, к школе все равно вернешься! – построжел лицом. – И бабушку одну оставлять нельзя надолго.

.....

– Куда это ты собрался? – пробурчала тетя Маша на мое сообщение об отъезде.

– Еще не решил, – отговорился привычно. – Меня хотят обвинить в убийстве младшего Гулуева, поэтому хочу уехать на время – пусть ищут настоящего преступника, а не тратят время на меня.

– Вот ироды! Мало тебе на войне досталось, так и тут спокойно жить не дают! – возмутилась.

Подумав, добавила:

– Хотя многие думают, что это ты расправился с этим подонком, да и сама...! – смутилась. – Туда ему и дорога! – вскинула голову. – Сколько из-за него девок пострадало, да и других за ним и его компанией дел...! Ну, что-ж, поезжай, коли так ...! Мишка-то как? Если чего, не переживай, я за ними присмотрю, и за твоим беспутным другом тоже.

– Как вы могли подумать, что я способен на изуверства! – демонстративно удивился.

– Посмотришь, что сейчас твориться в стране, так и заду-

маешься – почему не найдется того, кто мог бы наказать всех этих подлецов и подонков, хапуг и воров, которые откуда-то появились, как тараканы! Куда настоящие мужики подевались? – выплеснула желания и ожидания простых людей. – А на тебя я не думала, но поняла бы, если ты наказал этого гада за смерть Алены, – призналась.

– Что? Всех убивать? – спросил провокационно.

– Разве те же торговцы поддельной водкой или наркотиками не убивают своим зельем людей? Разве это правильно, что наживаются кооператоры, перепродавая за сумасшедшие деньги продукты и товары, которые не произвели сами, а где-то купили по дешевке? Сталина на них нет! При нем давно бы Платонов с Гулуевым лес валили, а не в креслах начальников сидели. Я ведь помню, как Платонов, став директором, ходил по цехам, разговаривал с рабочими и интересовался жизнью и проблемами, а Гулуев заискивающе всем улыбался и подлизывался, – презрительно скривилась, вспомнив.

– Все равно и в той жизни при Брежневе надо было многое менять, но, конечно, не доводить до такого, как сейчас, – высказался и вернулся к нашей теме:

– Как все закончится, вернусь. Если что, то вам помогут Олег с Мишкой. Олег, какое-то время поживет в моей квартире. Звоните.

– А с Мишкой, что думаешь делать? – напомнила.

– Сейчас его отправим к каким-то родственникам в де-

ревню на лето, а к школе вернется. С собой его забрать не могу – сам пока не знаю, где остановлюсь, а у него школа и бабушка на руках, – сообщил, на всякий случай, проложив ложный путь для сыщиков.

– Ну что же, езжай с богом, раз так сложилось, – обняла и поцеловала на прощанье. – Жизнь проклятая! – едва слышал.

Деревня.

Выехали с восходом солнца. Небо было безоблачным и обещало жаркий июльский день. Улицы и тротуары города были еще пустынные, только в районе автовокзала появились люди, торопящиеся на первые автобусы.

Позади – две бессонные ночи и день, полный беготни. Хотелось все предусмотреть, чтобы не забыть какую-то мелочь и не возвращаться, а также расчеты с комбинатом, метания по учреждениям и магазинам.

Быстро выскочили на загородное шоссе и помчались на юг. Помчались – громко сказано, так как шоссейное покрытие оставляло желать лучшего. Постоянные выбоины, заплатки и неровности не позволяли развить скорость выше восьмидесяти километров в час. Многочисленные придорожные деревни, сменялись засеянными полями, лесными массивами или перелесками. Минут через сорок Олег махнул рукой в сторону:

– Вон центральное село колхоза. Там сельсовет, колхозное правление, клуб со спортзалом, школа, лесопилка и прочая цивилизация. Любка в свое время десять лет в эту школу бегала.

Промелькнул информационный знак со стрелкой «Константиново» с табличкой «500 м», и съезд на когда-то асфальтированную дорогу, протянувшуюся среди полей, засе-

янных какими-то злаками. За полями виднелись крыши домов среди деревьев.

– Председательствует тут уже много лет Петр Прокофьевич, хозяйственный мужик, коммунист старой закалки – только за счет его активности колхоз сохранился. Даже название почти не изменилось – Товарищество чего-то там «Колхоз «Заветы Ильича», – продолжил.

Через несколько километров мой штурман опять встрепенулся:

– Вот и наш поворот!

Свернул на хорошо засыпанную песком и наезженную дорогу, которая тоже вилась среди засеянных полей к дальним холмам, заросшими деревьями, но домов не было видно, только на существующую деревню намекала черточка колокольни, возвышающаяся над кронами.

– Что-то далеко твоей Любке в школу приходилось бегать, – отметил.

– Между селами есть старая дорога, только непроходимая для транспорта. По ней ближе. Мост через овраг в советское время так и не отремонтировали, а сейчас и подавно не до него! – пояснил.

Тем временем показались строения на холме.

– Нам сразу налево, – скомандовал Олег перед поворотом в переулок.

Никогда такого не видел – посередине широкой деревенской улицы тянулась цепь прудов.

– Зачем эти пруды? – поинтересовался, проезжая по едва заметной колее вдоль левого ряда деревенских домов.

– Спросишь у местных, – отговорился.

Оказалось, что не все знает обычно всезнающий друг.

– Вон, правь к тому дому, – показал на самый красивый теремок в ряду обычных деревенских домов.

Дом был украшен умелой затейливой резьбой – резные наличнику, ставни окон, деревянная вязь под скатами крыши. Низ дома покрашен в красный цвет, стены – синим, а затейливые украшения – белой краской.

– Красиво, – покачал головой, вылезая из машины, только вблизи стало заметно, что все требует новой покраски.

– Тесть знатный столяр и плотник, – пояснил Олег и похромал к крыльцу.

– Хозяева! Гостей принимайте! – забарабанил в соседнее с крыльцом высокое окно.

– Олежка! – первым выскочил из дома невысокий мужичонка неопределенного возраста и обнял гостя.

– Ты надолго или как? – поинтересовался.

Следом на крыльце появилась дородная женщина лет шестидесяти на голову выше супруга. Теперь понял, в кого пошла Люба – жена Олега. Женщины были удивительно похожи, только с разницей лет в тридцать.

– Здравствуй, Олежка! – отстранила супруга и обняла зятя. – А внучку не привез? – выглянула из-за его плеча.

– Нет, – смутился он. – Любка обещала сама приехать в

августе, если с отпуском получится, тогда и дочь привезет. Зато я вам постояльцев привез! Приютите?

– Мы гостям всегда рады! – отозвался хозяин. – Живите, скока хотите, места много, – обошел зятя и протянул мне мозолистую руку.

– Василий Дмитриевич или можете звать, как все – Митрич, – представился.

Пожал его ладонь, удивительно крупную для его роста.

– Андрей!

– А тебя как звать парень? – спросил он, протягивая ладонь Мишке, стоящему за моей спиной.

– Миша! – смущенно протянул тот свою ладошку.

– Бабка! Все дела в сторону! Накрывай на стол – у нас гости! – аккуратно пожал ладошку пацана и радостный повернулся к жене.

– Зовите меня баба Тоня, – представилась женщина и вздохнула. – Проходите в дом, нечего стоять на улице, – и первой пошла в дом, чего-то бормоча под нос.

– Да! Давайте в дом проходите, – засуетился хозяин, – сучает по внучке, – пояснил бабкино поведение. – Ничё, отойдет, – заверил, вопросительно глядя на нас. – Чичас отметим ваш приезд! – загорелся.

– Другой бы спорил! – подхватил Олег. – Мишка! Цел наш гостинец? – обратился к мальчишке, рядом с которым на заднем сиденье всю дорогу находилась сумка с водкой, пивом и вином.

– Ты уже без костылей ходишь? – кивнул дел на палку.

– Вот, благодаря ему, – ответил друг, кивая на меня.

Олег уже несколько недель, как отложил свои костыли и до магазина ходил с палочкой, а по квартире на своих двоих.

– Доставай наши вещи, – кивнул пацану.

– Все? – уточнил Мишка, глядя на меня.

– Свои все и мою сумку.

При входе в дом, огляделся. Светло, просторно, чисто. На стене многочисленные фотографии, часы с гирьками на цепочках, на полу домотканые половики. Постель и горка подушек накрыта ажурным белым покрывалом. Вся мебель, похоже, сделана умелыми руками Митрича. Черно-белый телевизор тоже накрыт самодельной ажурной белой накидкой. Белая печь частично отгораживает кухню, откуда доносятся звуки радио. Другой проход с занавесками вел в другую комнату или комнаты.

– Можете расположиться в дочкиной светлице, – сообщила хозяйка, кивая на проход, – а хотите, можете жить в другом доме. Остался от родителей. Я там Любушку родила, – отвернулась.

– Дом далеко? – заинтересовался.

– Вон, на той стороне, – махнула рукой на окна. – Только там не прибрано, надо проветрить, просушить и постель приготовить.

– Здесь живите, там и ремонт треба, – вступил в разговор хозяин, вертя в руках бутылку водки.

Казалось, не будь нас, то он моментом вскрыл ее и приложился, утоляя жажду.

– Оставь в покое бутылку, Ирод, лучше посуду неси, завтракать будем, – повысила голос хозяйка.

– Вы чем, Андрей занимаетесь, – поинтересовалась, ловко собирая на стол.

– Служил, работал, сейчас хочу отдохнуть от городского шума, – отговорился, не вдаваясь в подробности.

– Надолго к нам?

– Как получится, а Мишка до осени, если не надоедим.

– Ой, да живите, сколько хотите! Только мальчишка пусть здесья ночует, небось, холодно будет в том доме.

– Я с дядей Андреем хочу, – буркнул пацан.

Хозяйка задержала взгляд на нем и кивнула головой своим мыслям, мазнув взглядом на давящегося смехом Олега. Его, по-видимому, веселило наше положение таинственных незнакомцев, решивших добровольно сменить город на скучную деревенскую жизнь, наше с Мишкой непонятное родство и прочие интересные вопросы для любознательной женщины. Вероятно, это вскоре будет интересовать всех жителей села. Как долго сохранится в тайне причина нашего появления в удаленной деревне?

– Ну и прально, что приехали! – воскликнул хозяин. – Че в городе делать? А тут лес, охота, рыбалка! Можно баньку седни затопить Вы как? – оглядел нас.

– В баньку, это хорошо, – кивнул Олег, – только дед, без

твоего садомазохизма!

– А че я, че я! – загорячился тот. – Пар должен до костей пробраться! Иначе, какая банька? Да, Андрей? – повернулся ко мне.

Я неопределенно пожал плечами.

– Сходите, сходите, с дороги попарьтесь, – поддержала хозяйка, – после вас и мы с бабами может сходим.

– Что же вы не пьете Андрей? – заметила баба Тоня за «завтраком».

Я по привычке только чокался, делал маленький глоток и отставлял граненую стеклянную стопку на ножке.

– Он всегда так, – ответил за меня Олег, смеясь, – говорит не вкусно!

– Какой же отдых без этого? – удивился хозяин.

– Я мало пью, – отговорился.

– Ну и правильно. Брали бы пример с нормального человека, алкаши! – с упреком посмотрела на зятя с тестем хозяйка и запретила выставлять на стол вторую бутылку.

Почему-то оба смирились и промолчали.

После обильного завтрака пошли готовить баню, расположенную на задворках за просторным огородом. Олег с Мишкой стали колоть дрова и топить печку, а мы с дедом – таскать воду и наполнять два вмурованных в печь огромных чана. Печка была хитро придумана – топилась снаружи здания, в парилке располагался дымоход, обложенный камнями, бок одного чана нагревался огнем, а второй оставался с прохлад-

ной водой. Парилка была маленькой с одним оконцем и двумя ступенями полук, а до потолка я доставал рукой.

Олег с Митричем, оказалось, предусмотрительно стащили из дома или заранее спрятали одну бутылку с куском хлеба, а с огорода захватили перья лука с огурцами, и в перерывах, отвлекаясь, по очереди выпивали из одного стакана. Даже не заметил, когда они сговорились или у них процесс тайного употребления спиртного от бдительной хозяйки, был отработан.

Митрича уже штормило, когда запасли воды и растопили печь. Решили сходить посмотреть родительский дом. Хозяйина трезвого без привычки я с трудом понимал – уж слишком он торопился говорить и проглатывал часть слов. К тому же его речь изобиловала словами местного диалекта. А пьяного вообще стало не понять. Он что-то пытался рассказать, над чем-то шутил и сам смеялся, размахивая руками. При переходе по узкой глиняной насыпи между прудами поскользнулся и чуть не свалился в воду. Его успел подхватить Олег, и дальше они пошли домиком, опираясь друг на друга.

Родительский дом оказался маленькой избушкой, вросшей в землю. Пустой хлев справа и вход слева в стене из коровника сразу в жилое помещение. В хлеву на стенах висели какие-то инструменты, сбруи и непонятные конструкции.

В доме много места занимала печь. Между ней и стеной – небольшой закуток для кухни, а основное пространство занимала одна комната. В красном углу висели образа с потух-

шей лампадкой, посредине круглый стол, на нем консервная банка с окурками, у стены голая кровать, в углу буфет с какой-то посудой. Стулья, лавка у стены, на полу пустые бутылки. Пахло плесенью, сыростью и нежилым помещением.

– Молодежь, – пробурчал Митрич, зацепив ногой бутылку. – Ниче! Скажу бабке, завтрава приберет.

Попытался открыть окно и чуть не вывалился вместе с рамой на улицу.

– Подремонтирую, – махнул рукой Митрич, – оставь.

– Электричество подведено? – поинтересовался.

– Пробки надоть вкрутить. Где-то были ..., – завертел головой хозяин.

– Проводку бы надо заменить, – отметил, пощупав старый шнур в матерчатой оплетке, осыпающуюся в руках, протянутый по стене и потолку на керамических держателях.

– Достанем скока надоть, – заверил он.

– А туалет где? – вспомнил, что не заметил необходимого заведения.

– В хлеву, – удивился хозяин.

– Что-то не видел я там ничего подобного, – заинтересовавшись, направился к двери и конечно ничего не увидел.

– Когда скотину держали здесь, за нее и ходили, – кивнул в дальний угол. – Че, надоть строить? – скептически и подслеповато взгляделся в меня.

– Ничего деда, в кусты побегают! – развеселился Олег.

– Яму выкопаю и что-нибудь сообразим? – подмигнул

Мишке, старающемуся держаться рядом со мной, и глядящему на все широко раскрытыми глазами.

– Построим, – согласился Митрич, – все будет, как у людей! – заверил.

Пошли за чистым бельем, полотенцами и мыльными принадлежностями для бани и в дверях столкнулись с компанией женщин. Поздоровались и разошлись. За спиной послышался смех. Митрич не утерпел и закричал:

– Бабоньки! Айда с нами в баню!

Подтолкнул Мишку в спину, подозревая, что сейчас посыплется неприличные шуточки. Так и произошло – следом в дом заскочил Митрич:

– Тьфу, язвы! Мать их ети ...!

– Все тебе нейдет, старый! – упрекнула его супруга. – Уж на седьмой десяток пошел, а все туда же ...!

– В гробу лежать буду, а за ляжку кого-нить да ущипну, – самодовольно заявил дедок.

– Во-во! Только щипать и способен, кобель! – не осталась в долгу хозяйка. – Крестный сейчас подойдет – с вами пойдет, – проинформировала. – Андрей, не давай им пить в бане, а то знаю их! Вечером гости будут

– Мы пива привезли, охладить бы ..., тогда и на водку может не потянет, – сообщил.

– Сейчас суну в холодильник, – кивнула.

– Трусы, шорты, майку с мишкой и сандалии возьми, – посоветовал Мишке.

– А носки? – напомнил он.

– Зачем к сандалиям? Все равно перед сном будешь ноги мыть! – заявил и поймал внимательный взгляд хозяйки.

Крестным оказался кряжистый мужик лет пятидесяти по имени Тимофей. В предбаннике всем раздеваться было тесно, и мы пропустили вперед аборигенов.

Первым из нас в парную сунулся Олег и тут же послышался его мат и шипение. Он скрючился на нижней полке, держась за уши:

– С-с-с! Вы оху...ли, мужики! Накидали! Яйца сварите!

Протиснувшись в низкую дверь, действительно почувствовал, как уши защипало жаром. «Явно, за сто двадцать градусов!» – предположил.

– Погрейтесь! В городской бане такого нет!

Еле примостил на раскаленную лавку задницу, привычную к раскаленной броне в Афганистане. Пекло так, что даже шевелиться было чревато. Взглянул на Мишку – паренек держался, казалось, из последних сил.

– Иди, посиди в предбаннике и не мучайся, – посоветовал.

Мишка отрицательно мотнул головой и еще больше съежился. «Не хочет самым слабым выглядеть, упрямец!» – догадался.

Первым не выдержал пытку паром Олег и с воплем:

– Ну вас на х...й, изверги...! – выскочил за дверь.

Следом за ним пыточную покинули мы с Мишкой под злорадный смех мужиков.

На столе стоял кувшин с морсом, а возле порога – четыре запотевшие бутылки с пивом.

– Как Митрич не боится париться пьяным? – удивился. – Это такой удар по сердцу!

– Привык, – отмахнулся Олег, прикладываясь к пиву. – А к смерти он давно готов, – засмеялся и на мой недоуменный взгляд пояснил: – Он уже давно себе, бабке и половине жителей деревни гробы сделал. Свои уже оббил материей – на чердаке хранятся!

– Зачем к смерти готовиться? До и примета, вроде, плохая....

– Тоже не понимаю. Может, не боятся местные предрасудков. Хорошо, что еще не спит в гробу, обживая! Ха-ха-ха!

– Митрич с бабой Тоней работают? – поинтересовался я.

– Чего вы все у меня все выпрашиваете? Сами друг у друга спросить не можете? Бабка все пытается про тебя – что, да зачем? Теперь ты..., – возмутился. – Работают, конечно, – снизошел. – Дед столяром и плотником, а теща – на ферме какой-то начальницей, сдатчицей молока или приемщицей....

– Ох! Ни х...я себе! – удивился Митрич, подслеповато рассматривая меня, – Где это тебя так? Как и Олежку?

Кивнул молча.

– Да, досталось тебе...! Дайкось, гляну, – протянул руку к протезу.

Повертел в руках и заключил:

– Я лучше сделаю. Только ремни и резинки с этого надоть снять.... Сделать? – взглянул в глаза.

– Сделай, если не затруднит, – пожал плечами и, прихрамывая, направился в остывшую парилку.

После бани, когда распаренные и расслабленные сидели на лавочке и допивали пиво, Тимофей проявил любопытство:

– Андрей, ты чем занимаешься?

– Сейчас восстанавливаю кислотно-щелочной баланс, – пошутил, делая глоток пива, – а недавно был начальником автохозяйства на предприятии.

– Ого! С автомобилями или тракторами? – не унимался.

– С грузовыми и легковыми автомобилями, а по профессии я инженер по эксплуатации колесных и гусеничных машин.

«Как быстро сельчане наведут обо мне справки в городе?» – в очередной раз появилась мысль. Как воспримут, если поверят в то, что рядом с ними поселился убийца? Что же, придется уехать раньше!

– Хватит эту мочу сосать! Пойдемте, покажу свою мастерскую! – вскочил Митрич, заметив несколько женщин с тазами, направляющимися к бане.

В большой пристройке к дому располагалась столярная мастерская, в которой творил Мастер. Там стояли несколько станков, верстак, в углу – буржуйка, а у стены топчан с матрасом, одеялом и подушкой под стареньким покрывалом. На

стене и полках висели и лежали многочисленные инструменты, некоторые никогда раньше не виденные.

Митрич достал откуда-то стеклянную литровую или полторалитровую бутылку с мутноватой жидкостью:

– Во, напиток для настоящих мужиков! Слеза! – с гордостью водрузил на стол и стал протирать обрывком газеты граненый стакан. – Мишка! Нарви на огороде лучка и огурчиков, пока бабы свои лохматки намывают! – распорядился. – Еще Суворов завещал: – После бани шинель продай, но выпей!

Возражать против искаженного высказывания не стал, но только от запаха этой слезы замутило и передернуло.

– Ты чего, командир? – возмутился Олег, – у Митрича знатный самогон!

Тимофей уверенно кивнул головой и повернулся ко мне:

– Мотоцикл мой не посмотришь? Что-то моща упала. Уж чего только не делал Советчиков полно, а толку ...!

– Пригоняй завтра к вечеру, – предложил.

Выпив свою дозу, Олег не сдержал слез:

– Крепка зараза! – помотал головой, проморгался и захрустел огурцом.

К вечеру действительно появились многочисленные гости. Некоторые приходили парами и поодиночке со своим спиртным и закуской и оставались, другие поднимали стопку за знакомство и уходили. На втором десятке запутался в степени родства гостей наших хозяев и именах. Женщины

бросали на меня заинтересованные взгляды и перешептывались. Отметил несколько молодых и симпатичных лиц.

Выдержал за общим столом не более двадцати минут. За мучили вопросами, обычными и нескромными – надолго ли приехали, женат ли, чем занимаюсь и прочее Когда предложили подыскать невесту в селе, то под предлогом перекура выскочил на улицу вслед за мужиками.

Тут уже были другие разговоры – о работе и бабах, конечно. Митрич опять быстро захмелел, на кого-то разозлился и рвался в драку. От него уворачивались, смеялись и пытались успокоить. Обидевшись на всех, он ушел спать в свою мастерскую. «Вот для чего там топчан!» – догадался.

Стемнело. Из дома слышались звуки баяна и запели женские голоса. Потом веселье выплеснулось на улицу – женщины устроили танцы с частушками. Чтобы не привлекать внимания ушел в темноту на удаленную лавочку, врытую в палисаднике перед домом. По улице часто проходили компании парней и девчонок, поглядывая на толпу возле дома и освещенные окна. Деревенское неравенство – не всем было положено присутствовать на спонтанном празднестве!

Неожиданно появился Мишка и прижался худеньким плечом. Обнял парнишку и вздохнул. Хорошо было так сидеть – все проблемы отошли вдаль и даже боль от смерти Аленки не так резала сердце.

– Меня какой-то пьяный мужик прогнать хотел, но одна женщина заступилась. Сказала, что я твой сын.

Хмыкнул и прижал его плотнее к себе.

– Завтра отоспишься, а потом начнем занятия, как дома, – предупредил и почувствовал, как он кивнул.

– Ты обещал машину научить меня водить, – напомнил.

– Научу, раз обещал. Времени свободного теперь много будет....

Утром, когда поднялся, хозяев в доме не было, только хмурый Олег сидел за столом, мучаясь похмельем.

– Где все? – поинтересовался.

– На работе, – буркнул друг. – Ты не знаешь, с кем я вчера сцепился? – пощупал распухшую губу.

– Нет. Я тебя даже не видел, – пожал плечами я. – Будем хозяев ждать или поедем?

– Поедем, я уже утром с ними простился. Гостинцы для Любки и дочки уже в машине, – сообщил.

Довез друга до шоссе и посадил на попутку. Надеюсь, подбросит Олега ближе к дому, чтобы не тащиться ему по городу с тяжелыми свертками, собранными хлебосольной хозяйкой для любимой дочери и ненаглядной внучки.

Вернувшись, расположился за столом, собираясь написать письма друзьям пока есть время. Под Мишкино сопение быстро набросал первое письмо Егору в Ленинград, тьфу в Санкт-Петербург с 1991 года. Описывать свои проблемы не стал, а только намекнул, что возможно приеду на продолжительное время.

Терехову в столицу написал подробнее:

«Здравствуйте, уважаемый Виктор Алексеевич!

В моей жизни возникли некоторые проблемы. Мою девушку по дороге на работу затащили в машину и увезли нетрезвые подростки, одуревшие от безнаказанности. Вернувшись домой, она покончила с собой. Я в это время был на сессии. Лидером среди подонков и, вероятно, инициатором преступления был сын властимущего, влиятельного в городе чиновника и коммерсанта. Через некоторое время этого сынка нашли убитым и изувеченным. В милиции без всяких на то оснований в этом убийстве решили обвинить меня. Уже надевали наручники и побоями пытались выбить признания.

Пришлось уволиться с работы и на время покинуть город. Опекаемого подростка временно забрал с собой. Хочу пока понаблюдать за развитием событий. Я не боюсь судебного срока или смерти, но опасаясь, что правоохранительные органы бездоказательно все же попытаются подставить и обвинить меня, если не в этом, то в другом преступлении и объявить в розыск. Бандитам бы я дал отпор, а бороться с правоохранительной системой не хочу и не могу, так как могут пострадать невинные нормальные ребята.

Если возникнет необходимость, то придется покинуть район и затеряться в другом регионе или за границей.

Опасаясь за безопасность опекаемого подростка – с собой мотаться по стране его не потащу, а оставлять его в городе без защиты боюсь. Но ничего другого не остается, так как у

него на руках больная бабушка.

Что делать – пока не знаю.

Андрей».

Что может придумать и подсказать Терехов не знаю, но надеюсь на его опыт и отзывчивость. Скрываться у него не хочу и грузить своими проблемами тоже, но хотя бы поставить в известность и попросить совета – вполне.

Третье письмо написал своему другу и сослуживцу на Дальний Восток.

С Валентином я познакомился по прибытию в мотострелковый полк для прохождения дальнейшей службы в разведывательной роте.

Понятия офицерской чести, порядочности и дружбы для него были не пустой звук. На него всегда можно положиться. Девиз русских офицеров: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!», я впервые услышал от него.

За несколько лет службы мы достаточно хорошо изучили, всегда помогали и поддерживали друг друга.

Расстались с моим отъездом в Афганистан, но постоянно обменивались письмами. После моего перевода Валентина назначили командиром роты в разведывательный батальон дивизии, но в последнем письме незадолго до моей трагедии он сообщил о какой-то проблеме по службе.

Написал ему на адрес его родителей, как он просил. «Что могло случиться, если он сменил прежнее место жительства

и не знает нового?» – задумался. Для того чтобы Валентин покинул военную службу – должно произойти нечто неординарное, так как не мог представить его вне армейской среды. На таких как он и Терехов держится наша армия.

В письме сообщил, что могу появиться на Дальнем Востоке и хочу его увидеть.

Пока обдумывал и писал письма, проснулся Мишка.

– Доброе утро, – поднялся включенный.

– Доброе! Стричься пора! – отвлекся от писанины. – Умывайся и за стол...! Завтрак на столе, – указал.

Баба Тоня расстаралась для гостей и приготовила гору сырников. Рядом стояли миски с творогом, сметаной и блюдце с медом, а дополняла завтрак крынка с парным молоком. Олегу сегодня еда в рот не лезла, а я привык на завтрак обходиться чашкой кофе с молоком. Голод просыпался только часам к одиннадцати. Я с трудом осилил пару сырников со сметаной, а из-за отсутствия кофе (забыли все-таки) чувствовал дискомфорт.

Позавтракав, Мишка с моего разрешения умчался гулять. Потом появилась хозяйка и, увидев меня за столом в маленькой комнате, пробурчала:

– Совсем ничего не поели. Ну, пиши, пиши, не буду мешать.

Принялась, что-то напевая, греметь на кухне посудой и шикать на Митрича, рвавшегося ко мне. Перечитал написанное, заклеил в конверты и вышел к хозяевам.

.....

Несколько дней мы приводили домик в порядок. С Мишкой выкопали яму в углу пустого хлева, а с Митричем сколотили загородку и ступеньку с дыркой. Вывели вентиляцию на улицу. Осталось купить и закрепить стульчак и туалет будет готов. Столяр отремонтировал рамы, а я заменил всю электрику. Даже провел свет в хлев и туалет. Вместо лавки Митрич сколотил топчан, а баба Тоня натащила занавесок, постельного белья и кухонной посуды. Жилье преобразилось – уют отсутствовал, но жить было можно!

Начали с Мишкой ходить за грибами, ягодами и на рыбалку. Митрич считал наши походы баловством. Он приглашал меня на охоту, считая это настоящим мужским занятием, но я признался, что не люблю стрелять. Действительно, я чувствовал отвращение к убийству беззащитных животных или птиц. Мужчина должен владеть оружием и уметь метко стрелять, поэтому не пропагандировал при Мишке свое отношение к оружию. Митрич на мой отказ непонимающе махнул рукой и пробурчал что-то про городских, превратившихся в баб. По его мнению, мужчина должен вывозить из леса грибы телегами, а рыбу ловить сетями и приносить домой мешками. Сбор ягод – это вообще бабье занятие, как прополка, полив огорода и прочие работы по хозяйству.

Я отдал ему свой протез для образца. В последние месяцы стал ощущать дискомфорт при ходьбе со старыми приспособлениями. То ли ступня изменилась, то ли супинатор с

протезом требовались другие, но порой ловил себя на мысли, что с трудом скрываю хромоту, а для походов в лес попросил Митрича изготовить крепкую палку. Проще стало искать грибы или перебираться через овраги.

Познакомился с местным участковым. Однажды прибежал взволнованный Митрич, когда я копал ямы под турник и брусья, и удивил предложением:

– Андрей, может тебе в лес сходить?

– Зачем, Василий Дмитриевич? – удивился.

– Там наш ... участковый, мать его за ногу, приехал ... по твою душу. Как бы чего-то не вышло? А? – участливо заглянул в глаза.

– Митрич! Скажи правду – ты меня преступником считаешь? А баба Тоня? – отряхнулся, отложил лом и, выпрямившись поглядел в глаза деду.

Тот смущенно отвернулся и пробормотал:

– Отчего же ты здесь скрываешься и ниче про себя не рассказывашь?

Некоторое время смотрел на него и думал:

«Я опасался, что меня эти люди не примут, узнав про убийство, а они готовы идти против закона и прикрывать меня!»

Не отвечая, прихватил палку и демонстративно хромя двинулся на другую сторону улицы к старенькому УАЗику.

– Пойдем, познакомимся с представителем закона, – кивнул хозяину.

Мне пока бояться было нечего от официальной власти. Я периодически созванивался с единственным доступного телефона из магазина с Олегом и тетей Машей. Никаких действий и интереса к ним со стороны посторонних лиц и милиции не было. Однажды, застав друга пьяным, разозлился на его пьяное мычание, хотел прыгнуть в машину и посетить город, так как понял, что чего-то произошло. На следующий день какой-то пацаненок позвал меня к телефону в дом местного бригадира или начальника колхозного отделения.

Звонил Олег. Он не дозвонился до магазина и позвонил на домашний телефон, числившийся в справочнике. Оказалось, его навестили сотрудники милиции. Олег оказался в это время поддатым и встретил их агрессивно, но милиционеры интересовались моим местонахождением без энтузиазма и азарта. Меня хотели просто пригласить на допрос к следователю прокуратуры. Однако друг, подозревая их в скрытых замыслах пригрозил им палкой и выгнал, ничего не сказав. Потом, чтобы снять стресс (так объяснил) отправился в магазин за успокоительным, но случайно или ждали специально – по дороге его прихватили сотрудники медвытрезвителя и отвезли в «околоток». Хорошо, что у него оказались при себе документы об инвалидности и Свидетельство о праве на льготы афганца, поэтому в вытрезвителе ночевать ему не пришлось. Составив протокол, и выписав штраф за появление в непотребном виде в общественном месте, его отпустили.

Поспешив домой, он обнаружил все «контрольки», которые всегда оставлял при выходе из дома целыми. Конечно, это ни о чем не говорит, но я сомневался, что в нашей милиции найдутся профессионалы, способные предусмотреть все, в том числе подготовленную к скрытому посещению квартиру.

– После такого стресса, сам бог велел выпить и успокоить нервы, так что ты не досчитаешься своего коньяка из бара, – доложил Олег, закончив доклад.

– Береги себя, – положил трубку и поблагодарил хозяев за беспокойство

– Ничего, ничего! – засуетилась хозяйка, – может чайку?

– Ты, правда, разбираешься в технике? – поинтересовался хозяин. – Мой Москвич стреляет, когда газ резко сбрасываю.

– Зажигание выставь пораньше, – посоветовал.

– Может, ты сам? А то из меня ремонтник ...!

В доме Митрича за столом, не сняв сапоги, сидел худощавый парень моих лет в поношенной милицейской форме с мятыми погонами старшего лейтенанта и пил чай с печеньем. Баба Тоня суетилась на кухне, готовя закуску. Приготовленная бутылка с водкой стояла рядом. На диване, поблескивая испуганными глазенками ерзал Мишка. «Коленки где-то поцарапал, шельмец!» – мысленно отметил.

– Здравствуйте, – вошел в комнату.

– Здравствуйте! – поднялся милиционер, шагнул навстречу и, протягивая руку представился: – Старший лейте-

нант Дружинин, участковый инспектор, – и взгляделся в меня.

– Воронов, – пожал руку.

– Хотелось бы на документы взглянуть, – усмехнулся. –

Положено.

– Миша, принеси мой паспорт, – спокойно попросил.

Пролистав все страницы, задержался на прописке и закрыв документ, вернул мне.

– Надолго к нам?

– Как получится, – пожал плечами, – как минимум, до осени.

– Выйдем, поговорим? – предложил он, взглянув на напряженных хозяев. – Спасибо, Антонина Тихоновна за чай.

– Может, по стопочке? – отмер Митрич.

– Я и закуску приготовила, – подхватила хозяйка.

– Спасибо, в следующий раз. Служба! – опять усмехнулся и первым шагнул к выходу.

– О тебе разное говорят, – закурил Приму и остро взглянул в глаза. – Если объявят в розыск, то надолго тебе здесь не укрыться, к тому же некоторые у нас очень хотят встретиться с тобой, – опять усмехнулся. – Вы тогда не договорили

Вероятно, недолго в милиции удержалось в тайне, чем закончился мой допрос в уголовном розыске, и насмешило всех.

– Оправдываться не буду, но и подставляться не хочу. Если будешь докладывать обо мне, то прошу предварительно

поговорить с Шамраевым, – предложил.

– Вот как? Ладно. О тебе здесь все хорошо отзываются ... – неожиданно признался. – Живите, – непонятно для чего разрешил и направился к машине.

– Чего он хотел? Зачем приезжал? Вы не уедете? – накинулись на меня с вопросами взволнованные хозяева.

– Положено участковому интересоваться всеми новыми лицами на участке, – отговорился.

– А зачем разговаривали на улице? – не поверили.

«Странный визит!» – подумал. Непонятное отношение ко мне, но, по-видимому, участковый опытный – не рубит с плеча, не смотря на невысокое звание. Не хватает подозреваемого и тащит в узилище, спеша доложить о своем успехе. Наверное, так и надо сельскому участковому вести себя с местным населением, чтобы соблюсти интересы всех сторон, но обстановкой на вверенном участке владеет – узнал о новых жильцах в Красном Селе, но не доложил по команде, а сначала навел справки, сам посмотрел и поговорил. Теперь должен выяснить, как движется следствие, поговорит с Шамраевым и примет решение – стоит ли докладывать обо мне. Если будет принято решение начальством о моем задержании, то попытается не участвовать в этом, чтобы не настраивать против себя местное население. Поэтому он вел себя нейтрально в присутствии хозяев – власть не показывал и от стопки отказался.

По-видимому, у следствия нет улик против меня, а на

незаконные действия решиться не могут, не хотят или не позволяет Шамраев.

После этого странного визита наша деревенская жизнь покатила по-прежнему ровно. Мы с Мишкой обошли с удочками все окрестные лесные озера и пруды. Мне нравилось сидеть с удочкой на берегу, глядя на поплавок и размышляя о своем. Иногда с нами отправлялись Мишкины друзья. Он быстро влился в мальчишеский коллектив, хотя в один из первых дней вернулся с распухшим носом, разбитым локтем и вываленный в пыли. Баба Тоня заохала и раскричалась, упрекая Мишку, местных пацанов и их родителей. Митрич, попыхивая самокруткой философски заметил:

– Ниче! Пацанва сами разберутся! Вот мы бывало ...!

За что тут же получил по спине грязной Мишкиной майкой, поток упреков, и поспешил скрыться с глаз разгневанной супруги.

Вообще было интересно наблюдать за взаимоотношениями стариков. Несомненно, главной в семье была баба Тоня, хотя Митрич часто в присутствии посторонних подчеркивал обратное и даже пытался командовать супругой, особенно выпивший. Она снисходительно наблюдала за петушившимся мужем не противореча, но принимала решения сама и добивалась их выполнения. Митрич в молодости был ходок по бабам, и жена часто упрекала его за это.

Он любил выпить, а выпив, часто становился агрессивным, за что получал от супруги. Не подавая вида, он все-та-

ки побаивался разгневанной жены. Как-то пьяненький признался мне:

– Представляешь, Андрюха! Я как выпью, моя баба становится невыносимой и агрессивной – так и норовит огреть чем-нить, че под руку попадетя! Че смеетсяя?

Несмотря на постоянные споры и даже ругань, старики заботились друг о друге. Не знаю, это последствия любви или привычка, но баба Тоня подсовывала Митричу очки, которые он стеснялся носить прилюдно, лекарства, когда замечала его недомогание или даже наливала стопку на утро для похмелья хоть и недовольно бурчала при этом. Дед тоже старался чем-нибудь помочь жене без просьб и напоминаний.

Баба Тоня казалась строгой и постоянно чем-то недовольной, но под этой маской скрывалась добрая и отзывчивая натура. Она сразу взяла под опеку Мишку и постоянно баловала его чем-нибудь вкусным. Заметив, как пацан уплетает пельмени со сметаной, то стала часто баловать трудоемким блюдом. Даже решила зарезать курицу, чтобы приготовить куриный суп, который Мишка тоже любил.

Мне пришлось признаться в отсутствии нашего родства и своем решении взять под опеку парнишку. С тех пор ее внимание к сироте только усилилось и даже появились предложения перевести его в Константиновскую школу. Какой бой пришлось нам с Мишкой вынести при переселении в другой дом.

– Нечего ребенку в холодном доме делать! – категорично

заявила баба Тоня. – Будет здесь жить!

– Я с Андреем хочу! – буркнул Мишка, глядя исподлобья на меня.

Мы с Митричем благоразумно не вмешивались, к тому же мне не хотелось обижать гостеприимную хозяйку. Упрямый парнишка отстоял право ночевать со мной в отельных случаях – раннего подъема на рыбалку или за грибами.

Баба Тоня преображалась при общении с подругами, улыбалась, шутила и при этом ее лицо молодело. Она оказалась голосистой песенницей. Когда она считала, что ее не слышат часто напевала вполголоса, а в компании пела часто, с удовольствием и запевала первой. Однажды она пристала ко мне:

– Андрей, спой что-нибудь, не зря гитару привез?

С момента смерти Алены я не брал инструмент в руки, считая, что, развлекаясь оскорблю ее память, а гитару сунул в машину при отъезде Мишка.

Смутившись, отговорился:

– Потом, как-нибудь.

Мы с Мишкой продолжили утренние тренировки, только подъем для него был не позже девяти часов утра. Он бежал вокруг прудов, а потом занимался со мной гимнастикой, приемами борьбы, растяжкой, силовыми упражнениями и боем с тенью. Как и в городе к нам присоединились несколько его новых деревенских друзей. Однажды в группу попросились два старшеклассника. Один из них был почти

с меня ростом. Так и у меня появился спарринг-партнер.

Иногда за нашими тренировками наблюдал Митрич, по-пыхивая самокруткой.

– Эх, скинуть бы мне годков сорок, то я бы вам показал! – как-то высказался. – Ты где так наловчился ногами махать и приемчикам? – тут же поинтересовался. – У нас проще дерутся – кулаками или дрын из ограды выдерут ..., – хмыкнул. – Супротив кола сдюжишь?

– Если припрет, – пожал плечами.

Деревенские знакомства.

Баба Тоня как-то поинтересовалась:

– Андрей! Ты не женат? У тебя есть невеста или женщина?

Меня бабы достают вопросами, – вздохнула.

– Был женат, развелись, – признался, сомневаясь: «Говорить ли об Аленке?»

– Почему же не женишься снова? Ведь уже не мальчик! Вон у нас сколько хороших девчонок! А ты умный, сильный, в технике разбираешься – мужики хвалят и главное – не пьешь!

– Была у меня девушка – забыть не могу, – признался, глядя в сторону.

– А что с ней случилось? – встревожилась.

– Извините, но мне надо идти ..., – и вышел из дома.

Денег за жилье и кормежку хозяева брать от меня отказались наотрез. Мы помогли им по хозяйству, натаскали на засолку и засушили грибов, навялили рыбы. Мишка поливал огород и помогал с прополкой, кормил скотину и кур, даже пробовал доить корову. Я пытался помочь Митричу в столярке, но он постоянно ругался на мои потуги и обозвав как-то косоруким рукосуем выгнал из мастерской. Тогда я стал покупать приносить хозяевам продукты. Они жили, редко употребляя мясо, хотя откармливали кабанчика на осень. Тогда они планировали его зарезать, часть выделить дочери

с внучкой, немного оставить себе на праздники, а остальное продать. Теперь мясо в доме не переводилось, хотя хозяйка демонстративно ругались на лишние траты, но вроде были довольны, особенно Митрич. К тому же он частенько обращался ко мне за похмелькой, объясняя, что старая ведьма зверствует и не понимает мужицкую душу.

Я купил в сельском магазине десяток бутылок водки на всякий случай, узнав, что в селе это самая ходовая валюта для расчетов за различные услуги – привезти дров, накосить сена, свозить в город или привезти из города что-то, вспахать усадьбу (просторный участок под картошку), что-то сделать по хозяйству или помочь. Так я рассчитался за проводку, электропатроны и выключатели. Мужики, обращаясь за помощью в ремонте техники личной или колхозной удивлялись, когда я отказывался от выпивки после ремонта.

Я отшучивался:

– Должен будешь ответную услугу.

Зная о моем запасе спиртного, Митрич регулярно нырял ко мне, зная, что не будет отказа и при этом пробирался так, чтобы не быть замеченным супругой, иначе та могла явиться следом и устроить обоим малый Армагеддон. Заметив, что пьяный дедок превращается во льва, заранее предупреждал – когда посчитаю нужным, то без разговоров выпроваживаю из дома. Однажды пришлось окатить его из ведра колодезной ледяной водой, чтобы успокоить. Обозвав меня бабкиным последышем, он мокрый поплелся домой, сетуя

на несправедливость жизни и людскую неблагодарность, а на следующий день демонстративно не смотрел в мою сторону.

В субботу баба Тоня попросила свозить ее в Константиново. Митрич молча залез на переднее сиденье, а на ее недоумение буркнул:

– Надоть мне!

Так и помирились, но теперь он безропотно понимался после того, как я говорил:

– Все, на сегодня тебе хватит!

В магазин мне ходить приходилось все труднее. Продавщицей там работала разбитная женщина, дважды разведенная, имеющая троих детей от разных мужей по имени Алла, а по прозвищу «Рупь семнадцать». Все это узнал от мужиков, которые собирались, как и везде в случае ремонта техники вечером. Такие спонтанные мужские клубы собирались постоянно по вечерам. Там можно узнать новости, получить или дать совет по ремонту техники, новых рыбных местах, поговорить об охоте и обсудить какого-нибудь знакомого или выпить в компании.

Алка свое прозвище получила за то, что лишилась невинности в девках, отдавшись парню после распития бутылки вина за рубль семнадцать копеек и сразу после этого забеременела. Парню ничего не оставалось, как жениться на своей «избраннице». Потом был второй муж, а сейчас она оставалась снова одна, но с тремя детьми. По слухам, к ней кто-то ходил из сельских мужиков, но они не афишировали свои

отношения.

Теперь продавщица выбрала объектом своего внимания меня. Не знаю, рассчитывала ли она на что-то большее, чем обычная разовая случка, но при виде меня у нее менялся тембр голоса, и появлялась улыбка. Казалось, что я самый желанный покупатель в ее магазине и к моим услугам были все товары немногочисленного ассортимента, включая ее саму. Невзирая на ехидные улыбки посетителей, она начинала виться вокруг, предлагая тот или иной товар, касаясь меня рукой, бедром или грудью.

Внешне женщина была привлекательной и фигуристой, достигшей той женской зрелости к тридцати годам, которая так нравится мужикам.

Похоже, сельские мужики, обсуждая и сплетничая, втайне желали ее. Посмотреть у Алки было на что. Высокая полная грудь, стянутая лифчиком, упругая вздернутая задница, широкие бедра, стройные полноватые ноги и круглые коленочки, выглядывающие из-под короткого платья. Лицо симпатичное и чуть выпуклые глаза не портили ее. Она старалась выглядеть привлекательно и следила за собой, как делают многие незамужние женщины.

Меня отталкивала ее навязчивость и плохая репутация, пусть наполовину выдуманная завистниками или недоброжелателями. Даже до бабы Тони донеслись слухи о поведении продавщицы, и она категорично заявила:

– Не вздумай связываться с ней! Век не отмоешься! Мало

тебе нормальных женщин или девок?

Как будто я собрался уже предлагать Алке завтра руку и сердце!

– А ты чего лыбишься! – накинулась на Митрича. – Всегда вас тянет во всякие помойки! Дураки – лезете на все яркое, доступное и блестящее, как вороны! Не ходи больше туда! Пусть Мишка бегает или старый прогуляется. А то придумают то, чего и не было. Ведь не было? – вперилась в меня.

– Не было, – усмехнулся.

– Ну и, слава богу. У нас чихнешь, а в Константинове здоровья пожелают.

Однажды, когда мы с Мишкой давились, как обычно обильным завтраком в дверях послышался низкий женский голос:

– Хозяева! Доброе утречко!

Сегодня у нас был завтрак из блинов со сладким творогом и вездесущим парным молоком. Я проглотил один конвертик, признав, что вкусно и тянул время отхлебывая, привезенный продавщицей Алкой импортный кофе с молоком, иначе если я встану из-за стола, то сразу вскочит и Мишка. Тем самым мы непроизвольно обидим хозяйку, старающуюся ради нас. Правда на меня, игнорирующего полноценный завтрак, она махнула рукой, а за Мишкой пристально следила и все время сокрушалась, что он хоть ест хорошо (на мой взгляд), но по-прежнему остается худощавым подростком.

– Здравствуй Катерина! Надо чего? – привычно недруже-

любно встретила гостью хозяйка.

– Здравствуйте, здравствуйте, – поздоровались мы.

– Я слышала, что у вас появился мастер, который разбирается в электричестве. Говорят, всю проводку в старом доме сам заменил, – выстрелила взглядом в меня. – У меня лампочка в хлеву не горит. Мой менял на новую и пробки проверял, без толку, а электрика пока дождешься...!

Женщина была высокая, одетая в серый халат, обтягивающий широкие бедра и одетый поверх цветастого платья ниже колен, с косынкой на голове, из-под которой выбивалась светлая челка. Икры, несмотря на полные бедра, были не толстые. На ногах – резиновые боты. В глаза бросались пухлые толстые губы. «У нее в роду негров не было?» – промелькнула ироничная мысль.

– Куда идти? – поинтересовался.

– Тут недалеко.

– Я объясню потом, – перебила гостью чем-то недовольная баба Тоня, – ешьте спокойно.

– Я буду ждать! – многозначительно поглядела Екатерина на меня, сдерживая улыбку и вышла из дома.

– Никакого покоя от этих просительниц! – пробурчала хозяйка.

– Что, неужели есть и другие? – поинтересовался, ухмыляясь.

– А как же! – воскликнула. – То одно просят, то другое, только еще за сиську подержаться или спинку почесать не

приглашали. Всех прошу – оставьте человека в покое, дайте отдохнуть в отпуске, а эта прямо домой заявила!

«Я становлюсь в селе популярным!» – отметил про себя с иронией.

– Миша, я хотела тебя попросить собрать смороду, – попросила хозяйка пацана, собирающегося со мной.

Виновато взглянув на меня и вздохнув, он пошел за ведром, а я за инструментами к машине.

Когда я подошел к нужному дому, просительница стояла в дверях, опираясь плечом о косяк и молча рассматривала меня с легкой улыбкой. Меня стали напрягать эти гляделки и спросил:

– Где не горит лампочка?

– Насмешливо фыркнув, она прошла в дом, махнув приглашающе рукой. В хлеву остановилась в пустом стойле для коровы, повернулась ко мне, отставила ногу, уперлась одной рукой в крутое бедро, пальцем другой показала вверх, не сводя с меня взгляда.

Поднял глаза на лампочку над головой, удивляясь загадочному поведению хозяйки и спросил:

– Стремянка есть? Где пробки?

....

Восстановил свет, подогнув и зачистив контакты патрона. Все время женщина стояла у стены и следила за моей работой. Даже когда слез со стремянки и подошел к ней, не двинулась с места и продолжала глядеть мне в глаза. Теперь ее

взгляд выглядел зовущим и загадочным.

– Ну что же ты, офицер? Будь смелее! – хрипло позвала.

Бросив сумку с инструментом, обнял ее и потянулся к пухлым губам. Она взволнованно задышала и закинув руки мне за голову, прижалась всем телом. Наши глаза находились на одном уровне – я видел себя в них и мерцание лампочки. От нее пахло молоком и еще чем-то знакомым и приятным. Возбуждился почти сразу и зашарил по женскому телу. Давно у меня уже никого не было. Мягкие небольшие груди, талия, чуть выпуклый животик, крутые упругие бедра Только стал задираТЬ платье, как она прошептала:

– Ложись, я сама все сделаю! – и толкнула в стог сена.

Расстегнула халат и задрав платье стянула панталоны, но не старушечьи с резинками, а тонкие с ажурными поясками по низу. Опустившись на мои ноги, расстегнула джинсы и освободила член. Зажав его в кулаке, сделала несколько движений, приподнявшись, вставила в себя и со вздохом опустилась. Посидела, полузакрыв глаза, откинув голову и начала медленно двигаться. Казалось, она наслаждается каждым мгновением и движением. Широкие белые ляжки, оголенные почти до бедер, так и притягивали взгляд. С удовольствием начал их гладить, ощущая упругость и тепло, иногда поднимая руку, чтобы помять поперх платья груди. Женщина увеличила темп и шумно задышала. Я, тоже возбуждись, начал двигать тазом и вскоре почувствовал приближение оргазма. Остановил движения, чтобы дать возможность

женщине кончить первой, однако не выдержал и прошептал:
– Сейчас кончу! – извергся в нее.

Она, не прекратив движений, только увеличила темп и не прекратила движений, пока сама не достигла оргазма. Замерев и простонав, посидела и легла сверху на меня. Благодарно поцеловала в губы и прошептала:

– Я смогла!

– Чего смогла? – спросил, восстанавливая дыхание.

– Тебя добилась! ... И удовольствие получила! – и счастливо засмеялась. – Еще сможешь? – потерлась лобком, подвигав бедрами.

– Куда я денусь? – засмеялся. – Может, разденемся? – предложил. – Мне бы приятней было на тебя смотреть и трогать, – пояснил.

– Не сегодня! – опять засмеялась довольно, – с тебя можно штаны снять. Только подложить под задницу чего-нибудь надо, чтобы сено не кололось.

Быстро скинула с себя халат и предложила:

– Приподнимись!

Перекинув шикарную ногу через меня, подсунула его мне под задницу и потянула джинсы с трусами вниз. Опустив до колен, констатировала-спросила:

– Так достаточно!?

Взяла опавший член в кулачок и начала его возбуждать. Потом, наклонившись взяла его в рот. Подобное женщины не раз делали, но в этот раз мне казалось, что я такого бла-

женства еще не испытывал. Я был снова готов, и женщина вновь оседлала меня.

После совместного оргазма некоторое время лежали рядом – я на спине приходил в себя, а она на боку, закинув ногу на меня и прикрыв белой ляжкой мой пах.

– Как замечательно! – прошептала.

– Тебя как зовут? – поинтересовался и хмыкнул от комичности ситуации, вспомнив, что баба Тоня назвала ее Катериной, и занялись сексом, так и не познакомившись.

– Катя! – приподняла голову и удивленно посмотрела на меня. – Я думала, ты знаешь! Ну, тебя-то все знают, – улыбнулась. – Многие бабы хотели бы оказаться на моем месте! – призналась. – Если бы они вдобавок знали, на что ты способен ...! – рассмеялась.

«Неужели Олег был прав, когда говорил, что здесь бабы голодные?» – удивился.

– Здесь же много мужчин! – высказал вслух.

– Мужиков достаточно, а мужчин мало, – категорично опровергла.

– Может, тебе не везло? Ты всегда такая инициативная?

– Нечего ждать милости от (задумалась, подбирая слово) от судьбы, – выпалила.

Некоторое время помолчали, думая о своем. Наконец, Катя сняла ногу с моего паха и вновь принялась теревить член рукой.

– Еще сможешь? – лукаво улыбнулась.

Я уже был удовлетворен, но заметив в ее глазах вопрос, понял, что для нее это очень важно.

– Желание женщины ...! – согласно кивнул.

Ее активность рукой и сексуальными губами вновь возбудила страсть.

– Теперь я сверху! – шепнул и опрокинул ее в сено на спину.

– Не нравится, когда тобой командует женщина? О-о! – простонала, когда вошел в нее.

Через некоторое время кончил в третий раз, а Катя не смогла, как не старалась. «Вероятно, традиционная поза не для нее!» – подумал, чувствуя досаду и опустошение. Устало отвалился и предложил:

– Давай, ты снова сверху, как прежде

– С улыбкой Катя поцеловала меня в щеку и шепнула:

– Мне хватит! – и тихо засмеялась.

Вгляделась в приоткрытые ворота хлева и вздохнула:

– Пожалуй, пора! Скоро муж заявится.

– Так ты замужем? – удивился.

– А ты как думал? – рассмеялась и провела шершавой ладошкой по щеке. – Красивый и сильный, но ласковый! – пристально смотрела на меня. – Кому такое счастье достанется? – вздохнула.

– Почему ты считаешь, что у меня никого нет? – заинтересовался.

– А я все про тебя знаю, – заявила с улыбкой. – Все зна-

ют, – добавила.

Легко поднялась, подхватив панталончики, встряхнула их и стала одевать, опять оголив шикарные ляжки без единого признака целлюлита. Вновь захотел ее, но в паху не почувствовал никакого шевеления. Натягивая трусы и джинсы поторопил, заинтересовавшись:

– Ну-ка, ну-ка поведай, что обо мне говорят в селе?

– Твою девушку изнасиловали, и она покончила с собой. Насильника ты убил и теперь скрываешься здесь, – с превосходством заявила она, отряхиваясь от сена.

– Вот это да! – воскликнул удивленно. – И давно ВСЕ ЗНАЮТ? – выделил ее слова.

– Ты только появился, как бабы зашевелились и начали справки о тебе наводить, а потом Юрки-участкового жена призналась.

– Значит, мои старики тоже знают? – догадался. – А молчат, конспираторы! – рассмеялся.

– Здесь же деревня! Все у всех на виду, – пояснила.

– Не всему можно верить, что говорят. Если бы я был убийцей, то не жил бы здесь спокойно, а сидел за решеткой.

– Мне все равно, – махнула рукой, – только бабы тебя жалеют и мужьям ставят в пример, – грустно улыбнулась.

– Почему грустишь? – подошел к ней вплотную и взгляделся в глаза.

– Нет во мне бабьей сентиментальности, – отвернула голову.

– А у тебя зрачки разного цвета, – сообщил.

– Заметил? – вновь посмотрела на меня с улыбкой, – а муж, сколько живем – не замечает, – добавила грустно. – Ну все иди, а то влюблюсь, – пошутила. – Соседки с часами сидят, наверное, засекают – сколько времени ты мне лампочку меняешь, – рассмеялась.

– Мы еще увидимся? – поинтересовался на прощание, целуя ее.

– Не знаю, хотелось бы ..., – вновь провела ладошкой по щеке. – Я сообщу ..., – добавила и первой пошла к лесенке в дом.

Поднял сумку с инструментом и пошел следом, наблюдая за подвижными ягодицами. Перед входной дверью Катя остановилась, обняла меня, поцеловала в губы и подтолкнула к выходу, непонятно мотая головой.

Вышел из полумрака на солнечный свет и зажмурился. Вдохнул и пошел к своему дому. «Что-то не видно обещанных наблюдателей!» – незаметно окинул взглядом окрестные дома, когда зрение восстановилось.

– Чего так долго? – встретила вопросом чем-то недовольная баба Тоня, теребя полотенце.

– Так получилось, – отвернулся, пряча ухмылку.

Побуровив меня взглядом, она что-то поняла и пошла на кухню ворча под нос:

– ... добилась своего ..., зараза ..., – еле слышал.

Весь день перед глазами стояли белые, не тронутые зага-

ром, гладкие пышные ляжки с шикарными бедрами.

– Оказывается, в селе меня считают убийцей, скрывающимся от правосудия? – наехал я на Митрича под вечер.

Устраивать разборки с бабкой не решился.

– Кто тебе такое сказал? – вильнул взглядом. – Катюха?

– Не важно.

– Ниче не знаю и знать не хочу, – отвернулся недовольно. – Мало ли кто и че говорит ...? – пробурчал и взорвался: – Всем рот не заткнешь! Старуха на ферме уже огрела одну с длинным языком, – признался. – Мы же видим, что ты за человек, – добавил. – Иного действительно надо бы убить, чтобы воздух стал чище, и людяМ жилось легче!

– Может, нам уехать и отсюда! – задумался вслух.

– Кхе, кхе, – поперхнулся дымом Митрич. – Не выдумывай! Как это уехать? – встрепенулся. – Я те, уеду! Наш ты и точка! И не слухай бабьи сплетни! Ишь чего выдумал – уеду ...! – продолжил возмущаться. – Хорошо бабка не слышит, а то бы тоже перепало по хребтине! ...уеду ...! ...ишь ...! Поди с глаз, а не то сам дрын возьму ...!

Адаптация.

Вернувшись в снимаемую избушку, взял гитару, развалился на топчане и перебирая струны, думал обо всем и ни о чем. В голове теснились мысли о милицейском расследовании, ответственности родителей за воспитание детей, скором поступлении ответных писем от моих друзей. Вспоминались встречи и разговоры с людьми за последние дни и недели.

Катя! Что заставило эту инициативную и волевою женщину увлечь меня в сено? Я ведь временный в этой деревне и рассчитывать на долгие наши отношения – глупо. А может, именно из-за этого? Потрахались и разбежались без взаимных обещаний и обязательств! Из-за этого была недовольна баба Тоня?

Пожалуй, не стоит искать логики в женских поступках – это другой вид человечества, живущий чувствами, а не разумом. Не превращусь ли я в селе в переходящий член, как знамя или вымпел в соцсоревновании в недавнем прошлом, для сексуально озабоченных баб? Конечно, это приятно и полезно, но обязательно возникнут проблемы с обидевшимися мужьями и парнями, да и бабами, обделенными вниманием секс-машины! Хмыкнул, представив, как днем удовлетворяю баб, а вечером отбиваюсь от разъяренных мужиков.

«Так это здорово!» – развеселился. Днем – полный контакт в постельной борьбе, а вечером – в рукопашной! Сме-

нив настроение, не задумываясь выдал задорный и бодрый струнный перебор.

Хлопнула входная дверь, распахнулась комнатная, и на пороге появился запыхавшийся Мишка с листком в руках.

– Дядя Андрей...! – воскликнул и замер. – Ты с гитарой?

«А ведь действительно!» – удивился сам. С того дня, как узнал о смерти Аленки душа не лежала к музицированию, да и некогда было! Вероятно, встреча с Екатериной что-то изменила в душе и повернула к жизни. Боль утраты не забылась, но как-то притупилась. Сначала почувствовал облегчение со смертью подонка, а сегодня еще легче стало. Как-то вдруг пришло понимание, что за месть насильнику мне ничего не грозит, только до этого момента я не концентрировал на этом ощущении внимания. Опять третий глаз?

«Вероятно, действительно пора возвращаться к жизни!» – решил и поинтересовался у радостного пацана:

– Ты чего такой восторженный!

Вспомнив, он потряс листком:

– Дядя Егор телеграмму прислал из Ленинграда! Нас срочно туда зовет!

Отложив инструмент, протянул руку. На бланке были наклеены телеграфные ленты с текстом:

«АНДРЕЙ СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ МИШКОЙ ДЕЛ МОРЕ ЛЮДЕЙ НЕ ХВАТАЕТ ПРИСТРОЮ ОБЕСПЕЧУ ЕГОР»

– Ты никак в Питер собрался? – ехидно поинтересовался

у паренька. – А бабушка, школа? Там за тобой ухаживать некому – бабы Тони не будет, а я на работе буду с утра до вечера, так что наслаждайся свободой здесь, а к сентябрю – домой.

– Да я, так..., – смущенно ковырнул половицу рваной сандалией.

– Сейчас сменишь сандалии на кеды, а свое рванье отдай деду Васе, – кивнул на обувь. – Может починит? Не хотелось бы под конец лета новые покупать – за зиму вырастешь, – подумал вслух.

Он серьезно кивнул и сообщил:

– Баба Тоня ужинать зовет.

«Зачем сюда посуды натащила хозяйка? Все равно питаемся в том доме», – подумал, двигаясь к дому заботливых хозяев. Мишка, семена рядом, поинтересовался, заглядывая в лицо:

– Нам с ребятами поиграешь?

Ему нравилось слушать, как я играю и пою, особенно про армию, героев и афганские песни.

– Завтра оборудуем за домом место для костра, на чем сидеть и запасем дров, а вечером соберемся, картошечки испечем и песни попоем. Так что зови друзей, пусть помогают.

За обильным, как всегда ужином, баба Тоня поинтересовалась:

– Андрей, ты Ольгу-почтальоншу знаешь?

Мысленно перебрав многочисленных деревенских зна-

комых, отрицательно помотал головой.

– Нет, а должен?

– Кто вас знает кобелей? – буркнула. – Чего же она испугалась к тебе нести телеграмму, а мне всучила?

Пожал плечами в недоумении. «Может, она из тех, кто боится убийцу!» – подумал про себя, опасаясь шутить вслух, помня о реакции Митрича.

– Так вы поедете в этот ... Петербург? – спросила через силу.

– Нет. Миша решил, что здесь лучше, – успокоил женщину, искоса взглянув на пацана.

Тот, подумав, кивнул, не поднимая глаз.

– Ну и, Слава богу! – с облегчением выдохнула. – Чего делать в чужом городе? А здесь свежий воздух, природа, свои продукты, молочко ...!

На следующий вечер с деревенскими ребятами разожгли костер, и расселись на бревнах вокруг.

Еще днем Митрич выделил из своих дровяных запасов два подгнивших бревна и распиленные ребятами пополам, помог расколоть их вдоль на две части каждое.

Ребята очистили от разросшихся кустов на бывшем когда-то приусадебном участке небольшую площадку за нашим домиком.

«А ведь еще десяток, другой лет назад на этом месте был огород!» – оглядел дикорастущий и труднопроходимый кустарник. Если бы, не поля за полосой кустов, использующи-

еся для пастбища и покоса, то лес, сейчас находящийся в трехстах метрах от линии усадеб и огородов, начинался бы сразу за домами.

На очищенной полянке половинки бревен плоской стороной вверх выложили квадратом, посередине развели костер, сжигая ветки и листья, а из пригодных веток сложили поленницу. Пацаны притащили откуда-то два срубленных засохших дерева, распилили и накололи нормальных сухих дров.

Меня удивила инициатива, активность и трудолюбие одиннадцати – четырнадцатилетних ребят, местных и приезжих в гости к родственникам из разных городов на спонтанно организованном субботнике. Конечно, пацаны баловались, подшучивали друг над другом, строили каверзы, но дело двигалось радостно и со смехом.

Когда в сумерках после ужина с Мишкой заняли отведенное место на бревнах у разгорающегося костра, оглядел собравшуюся сопливаю публику. Хотя уже не сопливаю. Каждый паренек – состоявшаяся личность со своими интересами, характером, проблемами и мечтами. Наблюдая за подростками днем, а некоторых уже знал по утренним спортивным занятиям, разобрался кто есть, кто.

Волею случая или родителей, здесь собрались пацаны из разных социальных слоев, сельские и городские, из благополучных и проблемных семей, дети коммерсантов, рабочих и колхозников. Начальный период оценки личных качеств каждого и притирки был пройден, выделились свои лидеры

и аутсайдеры, определились сильные и слабые и сложился мальчишеский коллектив, объединенный детством, летом и общими забавами.

Тронув струны, заставил всех замолчать. Начал с песни Владимира Семеновича:

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров,
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от детских своих катастроф.
Детям вечно досаден их возраст и быт
И дрались мы до ссадин, до смертных обид
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк.*

Не останавливаясь, без комментариев, не дожидаясь реакции малолетних зрителей, продолжил песнями, которые нравились из пионерского и комсомольского детства, запомнившиеся и полюбившиеся в военном училище и памятные из Афганистана.

*Ребята, надо верить в чудеса,
Когда-нибудь весенним утром ранним
Над океаном алые взметнутся паруса,
И скрипка пропоёт над океаном.
Над океаном алые взметнутся паруса,*

И скрипка пропоёт над океаном...

.....

Высока, высока над землей синева

Это мирное небо над родиной

Но простые и строгие слышим слова

"Боевым награждается орденом"

Это значит, что где-то в ночной тишине

Злые пули надрывно свистят

И что в этой борьбе, как на всякой войне

Жизнь и смерть снова рядом стоят...

.....

Я начал жизнь в трущобах городских

И добрых слов я не слышал.

Когда ласкали вы детей своих,

Я есть просил, я замерзал.

Вы, увидав меня, не прячьте взгляд,

Ведь я ни в чём, ни в чём не виноват.

За что вы бросили меня? За что!

Где мой очаг, где мой ночлег?

Не признаёте вы моё родство,

А я ваш брат, я человек.

Вы вечно молитесь своим богам,

И ваши боги всё прощают вам...

.....

На маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы

Взяв только сны и грёзы и детскую мечту

*Я тихо уплыву, пути не выбирая
И, может быть, узнаю мир, в котором я живу*

*Ну и пусть будет нелёгким мой путь
Тянут на дно лень и грусть, прежних ошибок груз
Но мой плот, свитый из песен и слов
Всем моим бедам назло, вовсе не так уж плох*

.....

*Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад, все травы да цветы;
Гуляют там животные невиданной красы.
Одно – как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей;
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...*

.....

На улице периодически слышались разговоры и смех прохожих, потом услышал за спиной (сидел спиной к переулку) треск веток и все затихло. Не оборачиваясь, продолжил:

*Часто снится мне мой дом родной.
Лес о чем-то, о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой
Сколько жить осталось мне, считает...
... Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.*

*На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты...*

.....

– Часто вспоминаю свой мотострелковый батальон. Про него написали песню мои сослуживцы и друзья-офицеры Валерий Зубарев и Сергей Зыков, – признался слушателям.

*Горы, колючка, пустыня,
Выцветший неба лоскут...
Этот пейзаж и поныне
Помню, хоть я не верблюдо.
Помню палаток убогость,
Жиденский помню бульон.
Бывших начальников строгость,
Полк и родной батальон.
Горный и мотострелковый,
Вечно готовый к броску,
Гордый, как рублик целковый,
Латаный весь, как лоскут! ...*

.....

*Повесил свой стуртук на спинку стула музыкант.
Расправил нервною рукой на шее черный бант.
Подойди скорей поближе, чтобы лучше слышать,
Если ты еще не слишком пьян.
О несчастных и счастливых, о добре и зле,
О лютый ненависти и святой любви.*

*Что творится, что творилось на твоей земле,
Все в этой музыке, ты только улови...*

Кто-то из ребят подбросил веток в костер. В небо взметнулся сноп искр, осветив задумчивые лица ребят.

*Дым костра создает уют
Искры выются и гаснут сами.
Пять ребят у костра поют
Чуть охрипшими голосами.
Если б слышали те, о ком
Эта песня сейчас звучала,
Прибежали б сюда пешком
Чтоб услышать ее сначала...*

.....

*Мы себе давали слово
Не сходить с пути прямого,
Но так уж суждено
И уж если откровенно всех пугают перемены,
Но тут уж всё равно
Вот новый поворот и мотор ревет
Что он нам несёт пропасть или взлёт
Омут или брод и не разберёшь
Пока не повернёшь...*

.....

Вечер бродит по лесным дорожкам,

Ты ведь тоже любишь вечера.
Подожди, постой ещё немножко,
Посидим с товарищами у костра.
Вслед за песней позовут ребята
В неизвестные еще края,
И тогда над крыльями заката
Вспыхнет яркой звездочкой мечта твоя...

.....

У дверей в заведение народа скопление,
Топтанье и пар.
Но народа скопление не имеет значенья -
За дверями швейцар.
Неприступен и важен, стоит он на страже
Боевым кораблем.
Ничего он не знает и меня пропускает,
Лишь в погоне за длинным рублем,
И в его поведенье говорит снисхожденье...

.....

Мы с тобой давно уже не те,
Мы не живем делами грешными,
Спим в тепле, не верим темноте,
А шпаги на стену повешены.
В нашей шхуне сделали кафе,
На тумбу пушку исковеркали,
Истрачен порох фейерверками,
На катафалк пошел лафет...

Почувствовав першение в горле, отложил гитару и предложил ребятам:

– Может пора картошку закинуть? Принесли?

Высокий подросток по имени Павел из местных, являющийся неформальным лидером среди пацанов, молча поднялся и начал палкой освобождать место для закладки, раздвигая горевшие дрова.

– Давайте, кто что принес, – предложил ребятам он.

Получилась значительная горка картошки – старой, мятой, с ростками и молодой, только сегодня выкопанной. «Чьи огороды пострадали?» – мысленно улыбнулся.

– О-о! Картофан! – в наш круг протиснулся коренастый подросток, лет семнадцати-восемнадцати, занял чье-то место и с вызовом посмотрел на меня:

– А блатняк знаешь? Сбаци!

За спиной послышался гул голосов. Обернувшись, оторопел – в нескольких шагах стояла толпа. Видно было только первые ряды, в отсветах костра белели лица и женские платья, а за первыми рядами в темноте светились огоньки сигарет. «Когда успели?» – удивился.

Передал гитару Мишке и, помедлив, поинтересовался у гостя:

– Тебя сюда приглашали?

– Кто мне запретит? – с вызовом бросил он.

«Он еще и поддатый!» – заметил и услышал поднима-

ющийся возмущенный рокот толпы, в котором преимущественно слышались женские голоса. Теперь люди не молчали и активно переговаривались.

– Блатняк иди в другом месте слушай! – предложил наглецу. – Иди! – повысил голос и посмотрел тому в глаза.

– Иди, иди Боган! – послышался уверенный мужской голос из-за спины.

Парень поднялся с бревна, демонстративно сплюнул под ноги и проворчал с угрозой:

– Ништяк, пионэрвожатый. Еще встретимся!

Не ответив, повернулся к Мишке:

– Попить не принесешь?

Кто-то из подростков недовольно заметил:

– Спокойно посидеть не дадут. Надо было дальше уходить...

– Отсидел пару лет за хулиганство на малолетке, а теперь корчит из себя бывалого рецидивиста! – презрительно пробурчал Павел.

Некоторые ребята согласно кивнули. Вероятно, пацаны почувствовали себя отдельным коллективом, отдельным от остальных присутствующих, своей компанией, хотя в толпе явно находились их друзья, знакомые и родственники.

– Мы и картошку будем есть, как на сцене! – повысив голос, намекнул лишним людям Павел.

Переговариваясь, люди стали расходиться, обмениваясь впечатлениями.

– Андрей! Спой еще! – предложил женский молодой голос из темноты.

Шевеление и треск сучьев затих. Поглядел на лица ребят, смотревших с ожиданием на меня, и сообщил, обернувшись:

– Минут через сорок. Мне надо отдохнуть, а нам перекусить.

Треск сучьев под ногами возобновился вместе с разговорами и затих, когда все разошлись, только возле нашей избушки через кусты белели девичья платья и слышался женский смех. Из темноты появился Мишка и протянул ковш с ледяной водой. Вероятно, бегал в дом бабы Тони, так как вода из нашего колодца пахла болотом и тиной. «Здесь есть специалисты по чистке колодцев?» – подумалось.

Ребята тихо переговаривались, а я смотрел на огонь. Было очень спокойно на душе, а все проблемы отодвинулись куда-то вдаль. Даже думать не хотелось.

– Дядя Андрей! А где вы учились на офицера? – вырвал меня из созерцательного состояния вопрос какого-то парнишки.

– В Ленинградском общевойсковом училище, – опередил меня Мишка. – Я тоже туда буду поступать после школы, – добавил с гордостью в голосе и посмотрел на меня.

Я удивился – до этого никогда мы не разговаривали о его будущем. Мне казалось, что в пятом классе еще рано что-то планировать. Сам в его возрасте не раз менял планы. Прочитав какую-нибудь книжку или посмотрев хороший фильм,

мне хотелось быть пограничником, геологом, летчиком, сыщиком и даже индейцем. Окончательно определился с выбором только в девятом классе.

– Сложно туда поступить? – продолжил допытываться подросток.

– Нет, если учишься хорошо и спортом занимаешься, – ответил уже сам. – Впрочем, как и везде

Между тем, Павел разворошил костер и начал выкатывать обугленные картофелины. Пацаны, шипя и перебрасывая из руки в руку, начали разбирать деликатес.

После этого творческого вечера группа занимающихся спортом увеличилась, а наша с Мишкой популярность в селе выросла.

Теперь тихими теплыми августовскими вечерами такие посиделки стали регулярными, а у молодежи села место возле кострища за нашим домиком стало оживленным. Появились дополнительные чурбаки и бревна, на которых располагались присутствующие.

С покоем по вечерам мне пришлось распрощаться. Если не сидел с гитарой у костра, то маршрут для прогулок молодежи, особенно девчонок, мимо домов по нашей стороне улицы стал оживленным. За окнами часто слышался смех, крики и частушки фривольного содержания:

*«Я любила лейтенанта
Капитана хочется*

*Говорят, у капитана
По земле волочится!»*

*«Не любите городских
Они все гулящие
Только в нашенском селе
Девки работающие».*

*«Сколько можно с трактористом,
В кустах целоваться?
Я Андрюше-гитаристу
Буду отдаваться!»*

*«Полюбила тракториста
И разок ему дала.
Три недели сиськи мыла и соляркою ссала!»*

*«Хороши у нас места, да болота тописты.
Девки сисясты, пизд...сты, сикилясты, жописты!»*

Иногда стучали в стекло или свистели под окнами, звали на улицу и кричали: «Андрюшенька!», а самые наглые заходили, просили попить и заводили разговоры.

Конечно, выделил нескольких девок из-за симпатичного личика, фигуры или поведения. Особенно напористо себя вела одна черноволосая десятиклассница в короткой юбоч-

ке, подчеркивающей крутые бедра и полные стройные ножки по имени Лариска. Свое имя не любила, а за шутливое сравнение с крысой старухи Шапокляк, могла врезать любому. Другая – круглолицая, полная, конопатая Верка, всегда ведущая себя вызывающе и развязно. Она училась в городском ПТУ, а сейчас отдыхала на каникулах.

Как-то заметил в отдалении одинокую высокую стройную девушку, слушающую издали мои песни. Иногда встречал ее на улице села и даже здоровался по приобретенной деревенской привычке. Никогда не видел ее в компании подруг или друзей.

Заинтересовавшись, как-то у хозяев поинтересовался, заметив ее в окно:

– Что за девушка? Всегда одна ходит.

– А! Ольга-почтальонша! В Константинове почтой заведует, – отмахнулся Митрич.

– Неужели не знаешь? – подозрительно поинтересовалась баба Тоня. – Хорошая девушка, только ущербная, – вздохнула. – Двадцать четыре года уже, а месячных до сих пор нет!

«Деревня!» – мысленно усмехнулся. Все про всех, все знают.

Пришлось столкнуться с Боганом, который отметил на первом моем концерте. Как-то вечером, переходя наш переулок, столкнулся с ним, идущим в компании ребят.

– А-а! Вожатый! – недобро усмехнулся он. – Седня один? Всем сопли вытер и по горшкам рассадил? – хмыкнул.

Кто-то среди подростков угодливо рассмеялся шутке. «Надо ставить зарвавшегося приклатненного сявку на место!» – решил и шагнул к нему. Тот, заметив решимость, струсил и непроизвольно сделал шаг назад, наткнулся на дружков за спиной и приободрился. Встал в шаге от него и, глядя в глаза, с презрением выдал:

– Чалился на малолетке по двести шестой, баклан? А понтуешься, как авторитет! Рамсы попутал, сявка?

– Ты че, в натуре? – оторопел местный «босьяк». – Откуда...? Ты-ж цветной!

Откуда ему знать, что вырос я в неблагополучной среде заводского поселка, где каждый третий сидел, а каждый второй собирался сесть на зону и словечки по фене были популярны среди подростков.

– Сделай так, чтобы я тебя больше не видел и не слышал, – предупредил с угрозой. – Или тебе больно сделать? – придвинулся к подростку.

– Не, не, в натуре Все путем, – поднял он руку, огораживаясь от меня и попытался отступить.

– Ну-ну! – окинул взглядом компанию и пошел дальше. «Он ..., мокруха ..., в авторитете ...», – услышал за спиной.

.....

Митрич, как-бы между делом, упрекнул:

– Для пацанов пел и для нас со старухой мог бы, Тонька уж больно песни любит!

Наверное, я покраснел, но ничего не ответил, а выбрав момент, обратился к хозяйке:

– Баба Тоня! Вы как-то хотели меня послушать?

– Тебе некогда! Нарасхват! (с ехидством в голосе). Вон, опять бригадир тащится – наверное, опять у кого-то что-то сломалось, – забурчала, кивнув на окно. – Вечером баб позову, все равно дождь собирается! – снизошла.

Вечером действительно полил дождь, намекая о приближающейся осени. Собралось шесть женщин возраста бабы Тони, вероятно подруг. Все принаряженные, в платках. Хозяйка тоже одела лучшее и заставила переодеться Мишку. На меня она только ворчала, но не пыталась указывать, а пацан с супругом страдали от ее диктата. Митрич, одетый как обычно, притаился в уголке, стараясь быть незаметнее. Стол был накрыт, но все расселись на диване и стульях по всей горнице.

Начал с песни Градского:

*Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд неподкупный знаком.
Может, я это, только моложе,
Не всегда мы себя узнаём.*

*Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность, ушедшая всё же бессмертна.
Как молоды мы были, как молоды мы были,*

Как искренно любили, как верили в себя...

Затем, не дожидаясь реакции зрителей, начал петь песни, подходящие возрасту слушателей:

*Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.
Качнется купол неба большой и звездно-снежный.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.
Качнется купол неба большой и звездно-снежный.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...*

.....

*Просто нечего нам больше терять.
Все нам вспомнится на страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым исполненье надежд.
Видно, прожитое прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль.
Слышишь, падают дожди октября.
Видишь, старый дом стоит средь лесов.
Мы затопим в доме печь, в доме печь.
Мы гитару позовем со стены.
Все, что было, мы не будем беречь,
Ведь за нами все мосты сожжены,
Все мосты, все перекрестки дорог,
Все прошептанные клятвы в ночи.*

Каждый предал все, что мог, все, что мог.

Мы немножечко о том помолчим...

.....

Вагонные споры последнее дело,

И каши из них не сварить,

Но поезд идёт, бутылка опустела

И тянет поговорить...

.....

Я забыл о бурях и о громе

Мне теперь дороже тишина

И живу я в старом-старом доме

Из него выходят три окна...

Одна из бабулек басом неожиданно заговорила:

– Андрей, ты все поешь новые песни, а старые ты знаешь?

Мы бы тоже попели, – оглядела товарок.

– Увы, – улыбнулся. – Помню, как мама в детстве на-

певала: «Опять от меня сбежала, последняя электричка!»,

«Жил да был черный кот за углом!», «В нашем поселился ...

сосед», «стоят девчонки ... в сторонке». Рассказывала, что

отец качал меня на руках, напевая: «Прощайте скалистые го-

ры, на подвиг Отчизна зовет!», – грустно покачал головой. –

Он на Северном флоте срочную служил, – пояснил. – Из

этих? – поинтересовался.

– Ну что ты, Валентина? Хорошие песни поет, душев-

ные, – вмешалась другая старушка.

– Давайте бабоньки, выпьем и сами попоем, а Андрей подыграет, – примирительно заявила хозяйка и поднялась.

– Я тебе тоже приготовила – в столе посмотри на кухне, – обрадовала мужа, сидящего с глазами побитой собаки.

– Я в мастерской буду, – его моментом выдуло из комнаты. – Андрей, я тебе протез сделал! Пойдем, примеришь, – позвал меня уже от дверей. – Мишка, захвати тарелку с картошкой, – лишил женскую компанию последнего мужчинки.

– На х...й, терпеть этих баб! Послухаешь, уши завянут! То ли дело с мужиками посидеть! Жаль, что ты не пьешь, – упрекнул. – Хоть Олег бы приехал! Вот душа-человек! – вспомнил.

Первым делом свернул пробку с водочной бутылки, накатил пол стакана, зажевал хлебом и полез искать новый протез.

Меряя почти готовое изделие, дискомфорта не чувствовал, а Митрич был недоволен и чуть ли не обнюхивая деревяшку бормотал:

– Здесь ..., это уберу, тута подточить, ага ..., и здесь. Ну че? Сделаю! Как родной будя! – заверил, не смотря на мое мнение, что все хорошо.

– Андрей! – позвала меня хозяйка через некоторое время. – Чего ты пропал? Иди, еще поиграй.

Вспомнил душевную песню, написанную в стиле вальса своими афганскими друзьями-сослуживцами:

Старый друг, что-то вдруг захотелось с тобой поделиться

Тихой грустью по милым, исхоженным в детстве местам:

*Странный сон в унисон этой грусти порою мне снится –
Словно здесь мы с тобой и как будто бы все еще там.*

Там, где косы берез легкий ветер в ладонях полощет,

Там, где россыпи рос – жемчугами в высокой стерне.

Там, где жизнь нам казалась значительно легче и проще,

Чем сейчас, в этот час, в необъявленной, долгой войне.

Но, не смел, улетел сон, как облачко в призрачной сини:

Охнул близкий разрыв и на землю смертельно осел.

Старый друг, новый круг нашей жизни начнется в России,

С тяжелой памятью в сердце о тех, кто дожить не успел.

Продолжил песней «Город золотой»:

Под небом голубым есть город золотой,

С прозрачными воротами и яркою звездой.

А в городе том сад, все травы да цветы;

Гуляют там животные невиданной красы.

Одно – как желтый огнегривый лев,

Другое – вол, исполненный очей;

С ними золотой орел небесный,

Чей так светел взор незабываемый...

– Господи, откуда, ты Андрей знаешь такие душевные песни? – удивилась одна из раскрасневшихся бабулек.

Не отвечая на риторический вопрос, запел:

Не гляди назад, не гляди -

Просто имена переставь.

Спят в твоих глазах, спят дожди, -

Ты не для меня их оставь.

Перевесь подальше ключи,

Адрес поменяй, поменяй!

А теперь подольше молчи -

Это для меня...

.....

Наша встреча с Екатериной без последствий не осталась. Я не забыл ее и хотел бы еще раз пообщаться с ней тет-а-тет, однако она не звала, а сам опасался проявлять инициативу, чтобы не скомпрометировать замужнюю женщину. Встречались иногда на улице, здоровались, но не показывали, что нас что-то связывает, кроме поверхностного знакомства. Я уже подумал, что, Катя зря опасалась глазастых соседей.

Однажды Иван, местный начальник колхозного отделения позвал меня посмотреть колхозный транспорт, которым пользовались преимущественно на прилегающих к селу полях. Тракторист ДТ-75 и водитель грузовика ГАЗ-52 жили в Красном Селе и закрепленную технику хранили на местном машинно-транспортном участке.

Территория участка была формально огорожена забором и когда-то выложена бетонными плитами. На обширной площади стояли комбайны, трактора, грузовики, какие-то агрегаты, сеялки, телеги. Подозреваю, что большая часть техники годится только в металлолом, а рабочий транспорт слабо отличался от безнадежно сломанного.

Сейчас же от забора осталось одно название, а плиты были покрыты таким слоем подсохшей после дождя грязи, что пожалел, что не надел резиновые сапоги. Все-таки городской менталитет не мог заставить жить по сельским правилам. Все колхозники на работу одевали спецовки, халаты, а на ноги сапоги в любую погоду.

Мысленно плюнув, пошел к проблемному трактору. «Ну и вид у агрегата!» – мысленно поразился. Бортовых кожухов не было. Весь движок покрыт слоем масла и пыли. Стекло кабины треснуто.

– Что с ним? – повернулся к бригадиру.

– Митька! Докладывай Андрею, – переадресовал вопрос чумазому парнишке в замасленной спецовке и кирзачах.

– Ху...во заводится, троит, а бывает глохнет. Хер потом заведешь, – ответил горе-тракторист и сплюнул на землю.

«Ткнуть бы твоей грязной рожей в неухоженный двигатель!» – подумал, но вслух спросил:

– Давно на нем работаешь?

– Кода с армии пришел новый трактор обещали... – вновь плюнул под ноги.

– Я спросил про срок, а не о твоих желаниях, – начал закипать.

«Похоже, ты бы и новый трактор вскоре довел до такого состояния!» – предположил мысленно. Хотя, чего я возмущаюсь? Вон рядом стоит его начальник, ему и воспитывать нерадивого тракториста.

– Технику обслуживать надо и следить! Тогда и проблем не будет, – назидательно все же заметил. – ДТ-75 не убиваемый надежный трактор, если за ним ухаживать, – перевел взгляд на бригадира.

Тот промолчал, погнав желваки и пошел к другой машине.

– Запчастей не дают, времени на обслуживание нет. Только давай, давай . . ., – завел тракторист обычную песню водителей, знакомую по хлебокомбинату.

– Неужели ветошь не дают и солярки не найти, чтобы двигатель вымыть? – демонстративно удивился. – Подтянуть маслопроводы и топливопроводы, чтобы устранить утечки и воздух не сосало времени не нашлось?

Ответа на вопросы не дождался – тракторист обиделся.

– Заведи, – предложил ему.

– Не заводится, – буркнул и опять сплюнул.

– При мне попробуй, – надавил голосом.

Недовольный парень достал из кабины шнурок и с третьего рывка завел пускатель, а вот сам двигатель завести не смог, хотя мне показалось, что несколько раз схватывало.

Махнул рукой, чтобы глушил.

– Давно фильтры мыл? – поинтересовался.

– Недавно, – буркнул, не глядя в мою сторону.

«Врет, наверное,», – предположил про себя.

– У вас есть, кто смотрит за транспортом, механик или еще кто...? – спросил, не желая больше общаться с этим трактористом.

– В колхозе есть главный механик, а у нас Михалыч, – пояснил, с насмешкой глядя на меня.

– Где Михалыч? – оглядел немногочисленных мужиков на территории транспортного парка.

– Не знаю, – откровенно ухмыльнулся парень.

– Ты сам заинтересован, чтобы твой трактор ездил? – повернулся к нему, понимая, что без общения с этим лодырем не обойтись и жалея, что согласился прийти сюда, где мои советы никому не нужны.

– Конечно, – неубедительно заявил тракторист.

– Вымой двигатель, подтяни топливные штуцеры и соединения и промой фильтры. Если после этого подобные проблемы повторяются, то потребуются ремонт или замена ТН-ВД¹. Возможно изношены плунжеры насоса, – посоветовал и предположил.

Поглядел внимательно на незадачливого тракториста и направился к Ивану, разговаривающему с мужиками. Сооб-

¹ Топливный насос высокого давления.

шил ему о своих выводах и пошел смотреть с водителем его ГАЗ-52. Там оказались проблемы с карбюратором.

– Как заправляете транспорт? – спросил потом у бригадира.

– Вон, наша заправка, – кивнул на цистерны в углу двора. – Бензовоз привозит и сливает в емкости, а потом Николаевна заправляет. Сейчас сложно стало с топливом. Иногда дизтопливо привозят в бочках, как масло.

– Последние дни все заправлялись из цистерн? – мне показалось, что нащупал общую для всех проблему.

– Не знаю, у водителей надо спрашивать, – пожал плечами. – Петрович! – окликнул какого-то мужика, – из чего все заправлялись в последнее время?

– Как обычно, что Николаевна заправляет..., – буркнул тот. – Бензин дерьмовый, – посетовал.

– Цистерны давно чистили? – продолжил я расспросы.

– Я уж и не помню, когда, да и не мое это дело. Обычно этим главный механик занимается.

– Возможно, в топливные баки попадает грязное топливо с отстоем из заправочных цистерн или такое уже достают и привозят. Отсюда многие проблемы. Можно дать отстояться топливу и заправлять транспорт из верхних слоев или провести профилактику цистерн, а механизаторам посоветовать чаще мыть или менять фильтры.

– Хорошо, я поговорю со всеми, и главному механику сообщу, а ты не хотел бы работать у нас в колхозе? – посмотрел

на меня и не дожидаясь ответа, закричал какому-то парню, вылезшему из подъехавшего грузовика:

– Володя! Новик! Подойди, послушай, что тут Андрей советует. Ты ведь тоже жаловался на свой трактор.

– Я? – тот, вместо того чтобы подойти, остановился и попытался сосредоточить пьяный взгляд на нас. – Это какой такой Андрей? Хромой? – взревел. – Он-то, сука, мне и нужен!

Ускоряясь, почти побежал к нам с криком:

– Ты чем занимался с моей Катькой, электрик еб...ный, пока я горбачусь на работе?

Подбежал и замахнулся на меня. Я сделал шаг в сторону и пробил в солнечное сплетение. Попал удачно – на вдохе. Тот задохнулся, скрючился и упал на колени, пытаясь вдохнуть. «А парень-то здоров, как бык!» – отметил, рассматривая неожиданного противника сверху. Большая лохматая голова, широкие плечи, крупные кисти. «Еще и вес за сто кг!» – предположил. Наверное, по силе равных ему в селе нет и возраст подходящий для мужика – за тридцать. «Екатерина достойного парня себе в мужья выбрала! Первого на деревне!»

Между тем к месту стычки сбежались мужики со всего транспортного участка, подняли драчуна и начали успокаивать. Бригадир, виновато взглянул на меня и тоже принялся упрекать пьяного буяна. Однако, тот продышавшись, оттолкнул одного, другого и увидев меня вновь рванулся вперед, не

обращая внимания на повисших на нем мужиков. Отбиваясь и раздавая удары понемногу двигался ко мне.

Наблюдая за этой возней, вспомнил сцену из мультфильма про Маугли, когда медведь Балу отбивался от бандерлогов.

– Отпустите его! – крикнул мужикам.

Кто-то послушался и отпрыгнул от разъяренного драчуна. Тот почувствовав свободу, занес кулак. Опять сделал шаг и пробил по печени с левой, но не надеясь пробить жир и мышцы пресса, тут же с правой с разворота заехал в челюсть. Бугай рухнул навзничь и закатил глаза. Все внезапно замолчали и оторопев, уставились на поверженное тело.

– Ты его не убил? – кто-то поинтересовался.

Опровергая вопрос, парень пошевелился, завозился со стоном и повернувшись на бок, свернулся в позу эмбриона, прижав руки к правому боку. Удар по печени, тем более пьянице очень болезненный, если попадешь правильно, а я, похоже, попал.

– Ты не покалечил мне тракториста, – поинтересовался бригадир, смущенно улыбаясь.

– Не должен, – пожал плечами. – Я не боксер, просто у него, наверное, печень увеличена из-за частого употребления алкоголя.

– Извини, я не думал, что он сегодня нажрется и потеряет разум. Трезвый, он спокойный, только ревнует свою Катюку к каждому столбу. Чего у тебя с ней было?

– Ничего, – опять пожал плечами. – Как-то попросила исправить освещение в хлеву....

– Понятно. Вот дурак! – покачал он головой. – Впервые вижу, чтобы Новика кто-то побил и даже с ног сбил! – хмыкнул. – Обычно с ним никто не может справиться! – пояснил, подтверждая мои догадки.

– Ты все же подумай насчет работы у нас, – напомнил. – Пойдем в курилку, там всем мужикам расскажешь по топливу, – предложил.

– Передай всем – пусть все подойдут в курилку, а Никифоров пусть отвезет друга домой на моем Уазике! – указал моему знакомому молодому трактористу.

В курилке сообщил собравшимся мужикам свои выводы и предложения. Кто-то пытался спорить, но большинство согласилось, что бензин и солярка – го...но. Потом мужики заговорили о своих проблемах, ругали начальство, сетовали на низкие зарплаты и не своевременные выплаты, плохое снабжение запчастями. Вспоминали сегодняшнюю драку, подшучивали над поверженным Новиком и незаслуженно пострадавшими от него.

– Мой Валерка к тебе ходит по утрам заниматься, – признался один, улыбаясь.

– Мой тоже.

– А мой гитару запросил, – сообщил третий. – На какие шиши покупать? – посетовал. – Наверное, надо из колхоза уходить, – подумал вслух.

– Куда уйдешь от хозяйства? Думаешь, баба справиться одна?

– Так можно отделиться и заняться своим хозяйством. Завести коров, получить свой пай земли в собственность и самому продавать молоко и прочее.

– Можно бычков разводить на мясо, – поддержал кто-то его.

– Кто тебе этим мешает заниматься сейчас? – удивился бригадир. – Ты и сейчас несколько кабанчиков держишь и свиноматку. Кормишь за счет колхозного комбикорма.

– Так сколько времени я теряю, работая на колхоз! Один бы не так смог развернуться! Вон в газетах пишут о развитии фермерских хозяйств и поддержке государства.

– Верь больше!

– Мужика все наеб...ть хотят!

– Но в колхозе все равно делать нечего. Это раньше было некуда уйти, а сейчас выбор есть.

– Детей бы поднять, и родители ухода требуют. Куда уйдешь?

Слушал этих колхозников, вспоминая свои ощущения и чувства при чтении газет, просмотра телевидения за последние месяцы. Решил высказать свои мысли:

– Одному в деревне выжить можно, но не разбогатеть. Не стоит верить всему, что говорят в телевизоре и пишут в газетах. Наверху к власти пришли люди, которым важнее разрушить прежнее социалистическое хозяйство и плановую эко-

номику, а не построить что-то новое. Им важнее, чтобы появились собственники и рынок, надеясь, что они сами все построят и создадут, а про механизм поддержки собственников и дальнейшего строительства экономики не думают. Надеются, что созданный рынок все сам отрегулирует.

Эти паи, которые вам предлагают – не в собственность, а в аренду на сколько-то там лет. Конечно, их можно будет продать, передать в управление другому, завещать детям. Можно арендовать у колхоза коровник и завести коров, бычков или свиней, но где брать деньги на технику, электричество, корма, топливо и прочее? И налоги платить придется! А если разрешат брать кредиты в банках, то с чего-то их надо будет отдавать и с процентами....

Вся нынешняя экономика строится на спекуляции – купил дешевле, продал дороже. О производителях не думают. Ведь те же окорочка можно купить за границей дешевле и продать здесь, вместо того, чтобы поддержать своего производителя кур.

Вот ты выращиваешь свиней, – кивнул мужику, – сколько времени тратишь на продажу мяса на городском рынке? Платишь за место несколько дней, еще за что-то, пока не продашь. А будешь, как частный предприниматель вдобавок платить налоги. Ведь уже, наверняка, появились спекулянты мясом, которые ничего не выращивают, а ездят по деревням, скупают мясо дешево, а потом продают на том же на рынке.

У вас толковое колхозное руководство. Вам повезло. Дер-

житесь за него, верьте и поддерживайте, а они вытянут колхоз. В наше время можно выжить только крупному хозяйству. Пусть сейчас трудно всем, поэтому маленькие зарплаты и выплачивают с задержкой. Это временно. Потом, может государство и повернется к собственным производителям, поняв, что продовольственная безопасность страны важнее не меньше, чем танки с ракетами и нефть с газом.

– Когда это еще будет и будет ли? – в сомнении протянул кто-то.

– Вон молодой председатель из «Светлого Пути» колхозное стадо на мясо пустил, технику на металлолом, зато новую «Волгу» за счет колхоза приобрел, – заметил один из мужиков.

Все задумчиво молчали.

– А ты откуда, все знаешь? – спросил щуплый мужичок лет пятидесяти.

– Читайте, думаю, интересуюсь, – ответил неопределенно.

– Тебе определенно надо оставаться у нас, – заметил Иван по дороге домой. – Я сам думал отделиться, хоть и вхожу в Правление колхоза и знаю, как там обстоят дела ..., – признался.

– Цистерны почисти, – напомнил при расставании с улыбкой.

Стычка с бандитами.

Моя деревенская жизнь катилась по накатанному. Приближалась осень. С ребятами ходили в лес за грибами, ягодами и на рыбалку. Периодически Митрич звал на охоту и даже, хвастаясь, показывал свою одностволку, рассказывая, как валил из нее медведей, кабанов, лосей и волков, а уж пернатых набил ...! Даже сходили в лес и дали выстрелить Мишке из настоящего охотничьего ружья, а потом заставили пацана разбирать и чистить оружие.

Скептически повертел дедов карамультук в руках. Да, это не СВДшка! Вспомнил, как развлекаясь со своими разведчиками, положил с трехсот метров степную лисицу или шакала, который, подпрыгивая над кустиками верблюжьей колючки на кого-то охотился, и передернулся от бессмысленного убийства живого существа.

Поддавшись на уговоры хозяина, съездили с Мишкой с ним на реку, где ставили сети. Река протекала в трех километрах от села. Ее ширина поражала – наверное, метров в триста. Когда-то она была судоходной и являлась альтернативной артерией Волги по доставке зерна и других товаров с юга на север. Сейчас река обмелела и к осени зарастала. Константиново и мой город располагались на ее берегу. Вот от Константиново, где брали лодку, мы и плавали на заветные рыбные места. Домой привезли полтора мешка рыбы.

Митрич был уловом недоволен, считая рыбалку неудачной, а Мишка восторгался.

Он, лазая по дому нашел два старых капкана, заржавевших, но рабочих и выглядевших устрашающе из-за зубьев на рамках. Один даже испытали, взведя и сунув палку. Устройство сработало и перерубило сук диаметром сорок миллиметров.

– Давай поставим! – загорелись глаза у пацана.

– Вряд ли у нас получится, – отверг. – Надо знать звериные тропы, удобные места, приваживать зверя и долго готовиться. Это только специалист сможет. Спроси у деда Васи! Тебе чего-то не хватает? – заинтересовался. – Это браконьерство. А если случайно человек попадет? Видел, с какой силой капкан сработал? – заставил задуматься о последствиях баловства. – Где ты их взял?

– На стене в сенях висели, – отвернулся смущенно.

– Повесь на место, – посоветовал. – Опасная игрушка, не трогай.

Не думал, что вскоре сам воспользуюсь этими опасными устройствами. С приближением осени стал задумываться об обеспечении и подготовке пацана к школе. Позвонил в школу Мишкиной классной руководительнице Алевтине Ивановне и попросил, как и в первую нашу встречу перечислить все принадлежности, которые надо купить и приготовить. Старательно все записал.

Она напомнила о списке необходимой литературы, кото-

рые школьнику необходимо было прочитать за лето! Совсем вылетело это из памяти у меня, а у пацана – тем более! Пришлось ехать с недовольным Мишкой в Константиновскую библиотеку, записываться и получать книжки. Скрасил его горе, разрешив управлять автомобилем на проселочной дороге от села до шоссе.

Позвонил тете Маше и Олегу, попросив озаботится школьной формой и одеждой для подросшего подростка и сообщил приблизительное время его приезда.

О своих дальнейших планах пока не думал. Терехов ответил на мое письмо, где пообещал СДЕЛАТЬ все, чтобы защитить моих близких и звал меня в Москву.

Валентин тоже написал о себе и указал обратный адрес – в Якутске. С горьким юмором признался, что по собственной вине пришлось с армией распрощаться. Спутался с какой-то бабой, загулял и плюнул на службу, прогуляв несколько дней. Обычно такие загулы обходились у офицеров без серьезных последствий – начальство ограничивалось взысканиями или понижением в должности (в крайнем случае), но о проступке узнали в штабе армии или округа. Тогда в дивизии проводилась проверка и решение было принято незамедлительно – уволить офицера, позорящего армию, не взирая на все его предыдущие заслуги и профессиональные качества. Вероятно, тогда шло сокращение армии и Валентин попался в это неблагоприятное время.

Сейчас он жил вместе с женой и работал в охране нефте-

газовой компании. Звал меня к себе, обещая заоблачные заработки и всякие льготы.

Решил подумать над предложениями всех знакомых и друзей после отправки Мишки домой, но жизнь внесла свои коррективы.

Однажды, когда я чистил грибы, собранные накануне, так как не хотел грузить хозяйку лишней работой, в избушку ворвался Мишка с выпученными глазами:

– Андрей, тебя бандиты ищут! Четверо! Приехали на черном джипе и расспрашивают о тебе! Вроде «ковалевцы». Сначала сказали, что они твои друзья, но я ребятам объяснил, кто это такие.

Решение пришло мгновенно.

– Не лезь к ним и на глаза не попадайся, – выдал. – Я их выманю из села и разберусь сам!

Не хватало, чтобы из-за меня пострадал кто-то из деревенских и тем более мои старики. Быстро переоделся в штормовку, резиновые сапоги, сунул в карман нож, прихватил палку, используемую в лесу, как трость и вышел в хлев. Снял со стены капканы, выскочил через тыльные ворота и похромал через поле к лесу.

«Надеюсь среди бандюков не найдется лесовиков, умеющих ходить по лесу и читать следы!» – планирую по дороге. Если капканы не работают, то покружу их по лесу, постараюсь разделить и разобрать поодиночке, так как у них может оказаться оружие. Против ствола палка, нож или прие-

мы не помогут – всегда есть шанс нарваться на пулю.

Зная эту тропу, так как всегда ходили по ней в лес, установил в удобном месте последовательно капканы и замаскировал, закидав листьями и травой. Вернулся на опушку и остановился на видном из деревни месте.

Долго ждать не пришлось – от домов послышались крики и появились преследователи. Трое. Вероятно, одного оставили с машиной. Развернулся и похромал в лес. Крики усилились. Обойдя заряженное место, свернул в сторону и остановился за деревом в ста метрах от капканов. «Быстро спортсмены добежали!» – отметил мысленно, услышав голоса.

Тут послышался душераздирающий крик попеременно с матом. Сработала одна моя ловушка. «Ну что-же, ребята знали на что шли, когда выбрали себе доходное, но опасное занятие и должны быть готовы к травмам и даже риску для жизни!» – философски подумал. Пока трое минус. Раненого одного в лесу не оставят с поврежденной ногой и придется его тащить на себе. Хорошо бы, если этим занялись оставшиеся двое, но если разделятся, то надо быть готовым встретить одного из них на окраине.

Повернулся и торопливо пошел другим маршрутом к селу. Когда пересекал поле, прикрываясь от леса кустами, в селе послышались выстрелы. Несколько раз сухо треснуло что-то малокалиберное, вероятно, пистолет, а затем пару раз бабахнуло охотничье ружье.

«Кто это там воет с оставшимся у машины бандитом?» –

обеспокоился и ускорился.

Подойдя огородами к своему дому, осторожно выглянул на улицу. Недалеко от нашей избышки стоял, перекосившись на одну сторону джип с растрескавшимися и выбитыми стеклами и многочисленными отметидами на корпусе. По-видимому, были пробиты или порезаны колеса с одной стороны автомобиля. Пацаны из-за заборов и углов продолжали забрасывать неподвижную машину камнями. С противоположной стороны улицы за окнами, заборами и из-за углов домов виднелись лица многочисленных зевак, а по переулку от центра села бежали бабы и мужики, некоторые с ружьями и палками или вилами. Еще бы! Невиданное зрелище – настоящий бой в селе с бандитами! То, что видели только в кино, происходит в самом селе! Совсем не думают, что это может быть опасно. Как бы подтверждая мои мысли от машины опять сухо треснул выстрел, что только раззадорило деревенских – потоки мата, насмешки, оскорбления и град камней только усилились.

Возле машины с моего места никого не было видно. Надо прекращать этот балаган, пока никто не пострадал.

– Прекратить стрельбу! – закричал, заметив, как кто-то из мужиков переламывает ружье, стараясь, чтобы меня услышали обе стороны. – Я Воронов! Эй ты, возле машины! Выбрасывай пистолет, чтобы я видел и выходи! Тогда больше никто не пострадает! Обещаю!

– Х...й тебе! – слышалось оттуда и опять треснул вы-

стрел. – Ты еще за все ответишь, сука – за машину и все остальное! – закричал бандит с истерикой в голосе.

В ответ с противоположной стороны переулка из-за забора прогремел выстрел из охотничьего ружья и по корпусу многострадального автомобиля хлестнула крупная дробь. Место стрелка обозначило облако дыма. «Дымный порох!» – отметил автоматически.

– Сейчас Андрей, мы его выкурим! – послышался мужской голос.

Помня о приближающейся опасности сзади, закричал:

– Прекратить стрельбу!

Дождавшись тишины, метнулся в сторону автомобиля и заметив ямку, нырнул в нее. Прислушавшись, осторожно высунулся. Бандит мое приближение, к счастью не услышал. Он прятался под машиной, а в мою сторону торчали его кроссовки. «Ему же оттуда ничего не видно!» – догадался. Испугался за машину и не бросил ее сразу, а сейчас поздно. Боец не опытный и не смог выбрать удобную позицию для стрельбы.

Рывком преодолел несколько метров и выскочив из-за кормы машины, ударил ногой по выставленной руке с пистолетом. Оружие куда-то отлетело. Наклонился и, схватив за волосы и куртку, выдернул из-под машины испуганного парня. Не давая ему опомниться, ударил коленом в пах и уронил на колени. Достал нож, приставил к шее и уколол кожу, чтобы противник почувствовал боль и близкую смерть.

– Чего вы хотели? – прошипел в испуганно бегающие глаза. – Ну? – уколол его еще раз, чтобы пришел в себя и смог внятно ответить на вопросы экспресс-допроса.

– Тебя ..., – сглотнул, – тебя нужно было привезти в город ..., – пробормотал, не сводя испуганного взгляда с моей руки с ножом. – Ты нам не нужен, мы не хотели сделать ничего плохого, только привезти на стрелку...! – торопливо заговорил.

– На стрелку к кому? – поторопил, помня о приближающихся от леса бандитах.

– Братва говорила, что Гулуев с тобой хотел побазарить! – прохрипел. – Нам ты не нужен, – стал повторяться.

– Своим передай, чтобы здесь больше меня не искали – на днях уеду. Сейчас подойдут твои, сразу уезжайте, и чтобы вас здесь больше никто не видел! Я мог бы всех вас положить и закопать, но пока вы ничего не сделали. Если будете мстить деревенским за машину или обиду – приеду, пожалеете! Понял? – выпрямился и пнул парня ногой. – Ну? – поторопил с ответом.

– Понял, – буркнул тот и отвернулся.

– Другое оружие или запасные магазины есть? – спросил, оглядываясь и вновь посмотрел на бандюка.

Он завозился, достал из кармана обойму с патронами и бросил перед собой на траву.

– Это все!

Подобрал магазин и выщелкивая патроны в ладонь, при-

нялся искать отлечевший пистолет.

– Все в укрытие! – закричал заметив, как народ вылез на улицу.

Изъяв оставшиеся патроны из обоймы в пистолете, проверил нет ли патрона в патроннике и забросил оружие с обоймами в салон машины.

– Сиди не поднимаясь, пока твои друзья не подойдут и сразу уезжайте!

– Как мы уедем на дисках? Колеса спущены! – ожил, поняв, что жизни ничего не угрожает.

– Захотите жить, уедете! Вас сюда никто не звал. Помните, вы под стволами! – ответил и перемахнул через ближайший забор.

Дождался погрузки бандитов в машину вместе со стонущим и матерящимся раненым, посмотрел на медленно переваливающийся на ямах пострадавший автомобиль, двигающийся в сторону выезда из села и вышел улицу. Оказалось, что у одного из гостей, опасно озирающегося по сторонам в руках был «огрызок» – автомат АКС-74У. Пусти бандит его в ход, дел натворить мог не мало.

Возбужденные сельчане радостно высыпали на улицу, обсуждая происшедшее. Подняв руку, призвал внимание и заявил:

– Приезжали за мной. Больше они не появятся! (Сомневаюсь в глубине души). Завтра я уеду и вам ничего не будет угрожать.

Предупреждать о молчании было бесполезно – скоро все в округе узнают об эпической битве и победе над бандитами. Вероятно, даже еще не родившимся внукам будут потом в семейных преданиях рассказывать о смелости деда в бою.

Высказавшись, направился к своим старикам с появившимся рядом гордым до невозможности Мишкой. Оба были встречены и расцелованы бабой Тоней, но пацан был тут же награжден подзатыльником. Оказывается, хозяйка все время выглядывала его среди пацанов, бросающихся камнями в машину бандитов и переживала за безрассудного подростка. Подзатыльник не смог стереть с его лица довольную улыбку.

Степенно пожав мне руку, Митрич поинтересовался:

– Действительно решил съехать? У меня есть возможность

– Не стоит, Василий Дмитриевич, – отмахнулся, прервав. – Все равно собирался на днях прощаться. Уедем завтра, раз так получилось. Извините за причиненные беспокойства.

– Каки таки, беспокойства? Вы для нас с бабкой родными стали! – зачастил.

Буба Тоня заплакала и махнув рукой, пошла в дом, прижимая по бабьи уголок платка к глазам.

– Мне надо в лес сходить! – вспомнил про капканы. – Ты со мной? – спросил верного малолетнего Санчо Пансу. – Мужиков предупредите, что милиция обязательно приедет и будет проверять хранение зарегистрированного огнестрельно-

го оружия с боеприпасами и зверствовать, выписывая штрафы. Тем, у кого обнаружат незарегистрированное и тем более нарезное, будет грозить статья!

– Надоть было пистоль хоть забрать, пригодился бы! – заявил Митрич вполголоса, чтобы не услышали окружающие, вопреки моему предупреждению.

– Нет, тогда бандиты точно бы вернулись, да и неизвестно – сколько на том стволе висит! – ответил, вспомнив, что на пистолете и магазинах остались мои «пальчики».

Рассердившись, сплюнул с досады: – «Когда мне было думать о последствиях – торопился, опасаясь приближающихся бандюков!»

Вечером сидел с Митричем и крестным Тимофеем в мастерской за бутылкой самогона. Конечно, эту отраву не пил и внутренне морщился, когда видел, как пьют ее мужики и представлял, что они испытывают при этом. Сочно хрустя огурцом, Тимофей со смехом рассказал:

– Когда бежал на выстрелы, из своо дома выскочил Новик, тоже с ружьем. За ним было сунулась его Катька, так он такими матюгами на нее ...! Поспешаем вместе, а я его спрашиваю:

– Ты за Андрея или против?

– Хромой свой мужик, – отвечает, – я с ним потом разберусь, а сейчас надо этих бандитов прогнать. Ишь выдумали – в селе хозяйничать!

Рассмеялись вместе с Митричем.

– Да, не думал, что этого бугая кто-то уложит. Не зря значитца ты по утрам рукам и ногам машешь. Может и нам Тимка, присоединиться к пацанве? – захихикал дед. – Богана в укорот взял, потом Новика, а седни бандита!

«Все знают!» – мысленно отметил уже без удивления.

Ночью обдумывал ситуацию под Мишкино сопенье. Надо завтра доставить пацана домой, напомнить кое-кому, что меня не стоит задевать и сваливать из города, района и области подальше, может и на Дальний Восток. Там, в каком-нибудь малолюдном населенном пункте каждый новый человек на виду, если кто-либо вслед за мной появится, решившись преодолеть расстояние через всю страну.

«Чего Гулуев хотел от меня? Насладиться мучениями убийцы сына? Увидеть, как ползаю перед ним на коленях, вымаливая прощение?» – мысленно гадал, глядя в темный потолок избы. Теперь уже не узнаешь. Надо бы грохнуть его, чтобы обезопасить себя, но я не чувствовал той злости, которую ощущал к его сынку и убивать человека, просто на всякий случай, не хотел. Тем более подготовка к акции займет какое-то время и не исключено, что кто-то приметит меня возле объекта. Надо быстро, с наскока провести акцию, спрятать автомобиль и исчезнуть из города, используя нетрадиционный и трудно проверяемый маршрут.

Деньги и приумножение материальных ценностей помешали отцу в свое время заниматься воспитанием сына – вот материальным ценностям я и нанесу ущерб, раз богатство

ему важнее сына. Приняв решение, заснул спокойно.

Неожиданные гости.

К обеду, когда мы с Мишкой собирались к отъезду, в окно увидел – к нашей избе подъехал ухоженный УАЗ и из него вылез пожилой лысоватый невысокий мужичок и участковый Дружинин в форме и с офицерской сумкой в руках.

– Добрый день в хату! – услышали от порога и первым в комнату шагнул незнакомец. – Гостей принимаете?

– Приветствую, – кивнул участковый и дружелюбно улыбнулся.

– Давно хотел встретиться и поговорить с интересным молодым человеком, да все время не было, а тут события закрутились...! Петр Прокофьевич Нечай, председатель этого колхоза, – протянул руку.

– Воронов, Андрей, – пожал руки одному и другому, обескураженный необычному гостю. – Чай, кофе, или чего покрепче?

– Чаем обойдемся, – чуть улыбнулся председатель и следуя моему жесту, направился к столу.

– Веруете? – удивился гость, заметив в углу иконы и огонек лампадки.

– Верую? – переспросил я. – Наверное, все-таки нет, – прислушался к себе, – хотя кто-то сказал: «На войне нет атеистов!» и я согласен с этим.... Хозяйка следит, – пояснил.

Действительно, когда лежишь под обстрелом и разрывы

бьют, то дальше, то ближе, хочется молиться любому богу, лишь бы высшая сущность, Всевышний, судьба или рок отвела мину от тебя или подчиненных.

Кивнул Мишке и тот стремглав кинулся за печку на нашу импровизированную кухню, где стоял старый керогаз хозяев. Они пользовались сжиженным газом из сменяемых баллонов.

– Позвольте Петр Прокофьевич, я начну, выясню некоторые вопросы и пойду, пройду по селу, а вы разговаривайте спокойно, – предложил милиционер с улыбкой.

– Да, давайте Юра, тоже хочу послушать, что здесь вчера произошло, – кивнул хозяин прилегающих земель.

– На всякий случай, буду записывать ответы. Если поступят жалобы потерпевших и возбудят дело, то мои записи пригодятся, чтобы повторно опросы не проводить, – пояснил участковый и достал из сумки листок бумаги. – Может, до протоколов дело и не дойдет, – успокоил.

Молча пожал плечами – надо, так надо. Мы люди законопослушные и нам скрывать нечего!

Записав мои данные со слов, Дружинин поинтересовался:

– Расскажи...те, что вчера произошло?

– Где-то днем, приблизительно в четырнадцать часов, Мишка (кивнул на печь) прибежал и сообщил, что меня разыскивают какие-то незнакомые молодые люди, представляющиеся моими друзьями, но похожие на бандитов, так как приехали они на большом черном джипе, а по телевидео-

ру каждый день показывают, что только бандиты и крупные коммерсанты ездят на таких автомобилях.

У меня таких друзей нет и опасаясь, что могут пострадать невинные сельские жители от встречи с подозрительными людьми пошел в лес, (кивнул опять на печь), чтобы в безлюдном месте выяснить их цель приезда.

Когда шел к лесу, за спиной услышал угрожающие крики и заметил троих преследователей. Понял, что они приехали с недобрыми намерениями. Прилегающий лес знаю – изучил, собирая грибы, ягоды. Поводил преследователей по лесу, запутал и вернулся в деревню. При подходе к селу, услышал пистолетные выстрелы. Подойдя огородами к месту стрельбы, увидел джип, который пацаны забрасывали камнями, а от машины стрелял четвертый незнакомец. Заметив, собирающийся на шум и выстрелы народ и опасаясь, что кто-то может пострадать от пуль добрался до машины и обезоружил парня. Разрядил оружие, запасной магазин и забросил ствол в машину.

Поднялся, принес и высыпал на стол патроны от ТТ.

– Вот изъятые боеприпасы, гильзы от выстрелянных патронов, можете подобрать на том месте, где стоял джип. Посоветовал парню немедленно уезжать из села, когда его друзья выберутся из леса. Потом людям объявил, что им ничего не угрожает, а мы (кивнул на печь в третий раз) с Мишкой сегодня уедем. Зачем я понадобился гостям не знаю, а спросить не успел.

– Почему вернул ствол преступникам? У других ребят из джипа оружие было? – поинтересовался участковый.

Задумался – стоит ли говорить про автомат? Решив, что кто-то из сельчан сообщит все равно, признался:

– Да, видел автомат АКС-74У. А вернул потому, чтобы не было желания у них вернуться более подготовленными и многочисленными. Может этот ствол им дорог, как память! – отшутился.

– Больше оружия у приезжих не было?

– Нет, не видел, только у одного автомат и пистолет, который отобрал у другого, – кивнул.

– У вас есть огнестрельное оружие? – спросил равнодушно у меня, не глядя в лицо, как бы, между прочим.

– Нет, зачем? – пожал плечами, так же демонстрируя равнодушие.

– Не догадываетесь, что им от вас было нужно?

– Нет, не знаю. Если бы хотели моей смерти, то имея огнестрел, начали бы стрелять еще в поле, а они что-то кричали и пытались догнать. Да и потом в лесу, когда водил их и запутывал....

– Может они прибыли от кого-то, кто вас ненавидит? – намекнул он.

– Я никому зла не делал, чтобы за мной охотились с оружием.

– Вы не допускаете, что есть люди, которые думают иначе?

– Тогда это больные и требуют изоляции от общества! –

отрезал.

– Ладно, – подытожил участковый инспектор. – Напишите внизу – «С моих слов записано верно и мною прочитано» и распишитесь.

Прочитал, пытаясь разобрать корявый почерк местного Аниськина, написал требуемую фразу и расписался.

Дождавшись ухода милиционера, которого подсознательно опасался, Мишка принес две чашки с заваренным чаем, вазочку с сахарным песком и розетку с вареньем. Выставил на стол и вопросительно посмотрел на меня.

– Спасибо Миша, иди погуляй, – предложил.

– К ребятам можно? – спросил в дверях.

– Зайди к бабе Тоне. Она вроде собиралась вам стол накрыть по поводу расставания.

Развернувшись, пацан в дверях столкнулся с Митричем.

– Какие люди седни у нас в гостях! – воскликнул хозяин. – Здорово, Прокофьич! Как здоровье? Семья, внуки?

Старики пожали друг другу руки и разговорились, как старые хорошие знакомые.

– Ой, что это я? Моя старуха приглашает всех на обед, – вспомнил Митрич. – А я пока нам принес, встречу отметить! – достал из-за пояса бутылку с водкой и выставил на стол. – Андрей! – намекнул.

– Митрич, ты же знаешь, что я не пью и стопок в избе нет.

– Ты вишь, Прокофьич, кого принимать приходится! Не пьет, охотиться и стрелять не любит, браконьерить не зата-

шшить! Где нормальные мужики, такие как мы? – возмутился вслух.

Когда старики выпили грамм по сто, а я только пригубил, директор сообщил Митричу:

– С обедом погодим пока. Мне с твоим гостем, Дмитриевич, поговорить надо.

– Ну ладноть, говорите. Я вам бутылку оставлю, под нее и разговор легче идет, – понимающе поднялся хозяин и ушел, от порога подмигнув мне.

Гость задумался и медленно поднял на меня глаза.

– Слышал про тебя, Андрей, всякое, а от наших только хорошее. Сплетням всяким не хочу верить, но если и пришлось тебе так поступить, то бог тебе судья! Не мне судить!

Семенов тебя хвалит, как грамотного механика.

На мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Ваш бригадир Красносельского участка. А еще он сообщил, что ты знаешь, что творится наверху и что делать, чтобы выжить колхозу в новых условиях. Вот мне и хочется послушать тебя. Поучи старика, – улыбнулся грустно.

– Зря вы так. Нечему мне вас учить, тем более я не специалист по сельскому хозяйству. Знаю только, что корова дает молоко, а хлеб не растет на деревьях, – улыбнулся, – но уверен, что нас всех ждут впереди трудные годы. К власти пришли люди, которые хотят разрушить социалистическую систему хозяйствования, плановую экономику и сделать общественное частным. Ввести рыночные отношения и быст-

ро создать класс собственников, рассчитывая, что собственник лучше организует производство, а рынок сам урегулирует экономические отношения и цены.

– Слышал и читал нечто подобное, – кивнул собеседник, не сводя с меня взгляда. – Нам-то что делать?

– Самим зарабатывать деньги, – пожал плечами. – Сейчас в Правительстве готовится приватизация. Надо акционировать ваше общество или товарищество и вам стать генеральным директором, а колхозу иметь контрольный пакет акций не ниже пятидесяти одного процента. Остальные акции можно раздать или продать заинтересованным в вашей успешной работе лицам и организациям, чтобы иметь поддержку на разных уровнях.

– Какая задача у колхоза в нынешний период? – спросил и сам же ответил: – Произвести сельхозпродукцию и продать ее по максимальной цене. Как производить продукцию вы знаете, а вот продать ее, не имея обычного Госплана...! Государство будет, конечно, закупать часть урожая по установленным ценам, но рыночные отношения подразумевают и других участников сделки – частные перерабатывающие предприятия или спекулянтов, заинтересованных в вашей продукции, а им желательно купить дешевле, частично переработать, упаковать красиво и продать дороже, получив прибыль.

Я предлагаю при помощи приватизации стать совладельцем этих предприятий, работающих с вашей продукцией, а

по возможности стать владельцем.

Приватизацию будут проводить при помощи приватизационных чеков, которые раздадут населению страны. Надо подсуетиться и забрать у всех ваших колхозников все эти чеки в доверительное управление. Конечно, им будут предлагать обменять свой приватизационный чек на пай колхозной земли, но это афера. Кому нужен клочок земли, если на нем нельзя работать без техники, семян, удобрений и прочего? Это выяснится быстро, но пай уже будет иметь владельца и его легко можно будет какому-нибудь аферисту убедить колхозника продать, обменять...! Зачем вам на колхозной земле иметь чужака? У вас в настоящее время колхозу принадлежат земли сельхозназначения, дороги, земли под села, лесные угодья, водоемы и часть берега реки. Вот все это надо законодательно закрепить за вашим акционерным обществом, чтобы никакой мошенник или даже власть не могли покушаться на ваши земли. Если все будет оформлено правильно даже при нашем мутном законодательстве, то трудно будет оспорить это в суде или суд будет длиться годами.

Кроме работы с частными компаниями и предприятиями надо самим сбывать свою продукцию. Самим открыть свои магазины, где продавать свою молочную продукцию по рыночным ценам, договориться с другим владельцами продовольственных магазинов или скооперироваться с другим перерабатывающим предприятиями и открыть совместные магазины.

Места у вас замечательные, природа прекрасная, лес, река, озера. Можно организовать охотничий заказник и организовывать платные охоты или рыбалки. Построить соответствующую инфраструктуру для приема и удобства гостей и получать деньги.

У вас есть лесопилка. Можно тоже организовать производство досок, бруса и бревен. С увеличивающимся числом богатых людей, все это будет пользоваться повышенным спросом, а в южных республиках лес вообще на вес золота.

Отхлебнул остывшего чая. В горле уже першило от непрерывной болтовни.

– Конечно, все это трудно. Возможно, в первые годы придется кое-что менять по бартеру, зарплату придется урезать, даже о чем-то умалчивать или обманывать колхозников, зато потом будет лучше всем. Надо убедить людей довериться правлению, потерпеть и подождать.

Позади хлопнула дверь и в комнату ввалилась баба Тоня. За ней протиснулся с кастрюлей в руках Мишка.

– Здравствуйте, Петр Прокофьевич! Я вас жду, жду на обед, надоело разогревать и решила покормит здесь вас, – обиженно заявила хозяйка.

– Извините, нас Антонина Николаевна, заговорились и про все забыли.

За обедом Нечай задавал вопросы. На некоторые отвечал, на другие пожимал плечами, на третьи высказывал предположения.

Посидели еще час, пока не появился участковый.

– Андрей, все, о чем ты говорил надо осмыслить и посоветоваться. Ты собирался сегодня уезжать? Я прошу тебя задержаться и завтра выступить на правлении. Почему я один должен думать, если некоторые активисты уже предлагали нечто подобное то, о чем ты говорил?

– Хорошо, – согласился, – если участковый не выявил в моих действиях состава преступления и не арестует, – пошутит.

– Все нормально, – улыбнулся тот. – Говорил я с Шамравым, – напомнил про наш прежний разговор. Сейчас вообще все в отделе на ушах стоят! Неожиданно объявили, что из Москвы приедет комиссия с комплексной проверкой именно нашего отдела, единственного в области. Никогда такого не было! Намекнули – особый упор будет сделан на проверке соблюдения законности. Если что найдут, то нарушителей ждет увольнение, а то и тюрьма! Почему это наш отдел выбрали для проверки? – хитро взглянул на меня. – Никогда такого не было! – повторил. – Из области сейчас постоянно у нас сидят представители УВД, проверяют документы и архивы.

«Неужели Терехов? У него выходы и на МВД есть?» – озадачился. В таком случае мне со стороны милиции ничего не угрожает в ближайшее время! Может отказаться от запланированной акции? Нет, опасности не чувствую, поэтому все остается в силе, а чувствующий себя хозяином жизни и без-

наказанность Гулуев должен пострадать. Пусть знает, что и он, несмотря на деньги и связи уязвим, как все.

– Только желательно завтра на правлении должны присутствовать только ваши единомышленники. Не хотелось, чтобы некоторые идеи и планы ушли на сторону вместе с кем-то из присутствующих, – заявил вполголоса председателю.

Подумав, тот кивнул.

Встреча с руководством колхоза.

На следующее утро вошел в кабинет председателя, где за длинным столом для совещаний сидело всего четыре человека с председателем во главе.

«Не густо у Прокофьевича надежных людей или он просто пригласил самых- самых?» – мысленно удивился.

– Здравствуйте! Надеюсь, что сейчас перед собой вижу будущих директоров акционерного общества! – пошутил.

Совещание затянулось на долгих четыре часа. Кроме того, что говорил вчера председателю добавил о необходимости иметь собственную службу безопасности для противодействия враждебным действиям конкурентов, защиты собственных предприятий от рэкетиров и расположенных в удалении, оказания помощи рыбнадзору и лесничему от браконьеров и «диких» лесорубов. В условиях «сырого» и противоречивого законодательства потребуется грамотный юрист, способный аргументированно защищать в суде интересы хозяйства. Помогать и поддерживать инициативных людей, способных и желающих открывать свои малые предприятия в структуре общего хозяйства – гостиницу с баром и сауной у шоссе, гостевые домики для приезжих охотников и рыбаков, сыроварню, маслобойню, пасеки и прочее, были бы реальные идеи и желание.

Какой-то дедок в древних очках попытался меня опро-

вергнуть:

– Вот вы, молодой человек, призываете нас махинировать с приватизационными чеками колхозников, – с превосходством взглянул на меня поверх очков. – А знаете ли вы, что Верховным Советом принят закон об именных приватизационных счетах, которые будет невозможно продать, передать и прочее?

Вздыхнул и предложил:

– Простите, но я не привык докладывать стоя. Разрешите, я сяду или буду ходить. А на ваш вопрос отвечу, как бы вам это было не удивительно и неприятно услышать. Кстати, я рад, что среди вас, уважаемые, нашлись люди, отслеживающие законодательные документы.

Вы знаете, что с начала этого года проводится денежная реформа? Напомню ее этапы. В январе объявлена либерализация цен, то есть отказ от государственного регулирования цен и принят Закон о торговле. Все это подстегнуло инфляцию, но предприятия оказались на грани разорения, а население обнищало. К тому же обесценились все банковские накопления граждан. Короче – у большинства населения страны денег нет.

Сейчас планируются приватизация, то есть передача государственной собственности частникам. Да принят Закон о приватизационных именных счетах граждан, однако либералов из Правительства это не устраивает. Сейчас Верховный Совет ушел на каникулы, а по Конституции Президент мо-

жет издавать Указы, которые Верховный Совет может отменить в четырнадцатидневный срок. Где-то в эти дни Ельцин подпишет Указ, отменяющий этот закон и разрешит выпуск безыменных приватизационных чеков – ваучеров, формальным номиналом в десять тысяч рублей, которые уже можно обменивать на акции предприятий, а также продавать, покупать, дарить и прочее. Конечно, Верховный Совет не сумеет собраться в двухнедельный срок, чтобы отменить преступный Указ.

Можете мне не верить, но на днях сами услышите и узнаете. Денег на руках у простых людей нет, а, чтобы получить ваучер в сберкассе нужно будет заплатить двадцать пять рублей. Даже этих денег у многих не окажется, а регулярные задержки с выплатой зарплаты заставят людей продавать ваучеры по минимальной цене, даже по цене бутылки водки или акции, если уже обзаведутся, чтобы просто выжить.

Будут созданы чековые инвестиционные фонды, для затрудняющихся в выборе граждан с обещанием при помощи специалистов вложить сданные в фонд чеки в наиболее выгодные акции предприятий и получением высокого дохода.

Передохнул, помолчав.

– Но это обман, – почти все вкладчики в ЧИФы потеряют свои ваучеры, получив ничего не стоящие бумажки.

Для сельского населения будут распространяться «сельские ваучеры» или паи. Вот я и предлагаю не допустить разбазаривания колхозных земель, а заодно озаботиться приоб-

ретенением большого количества ваучеров не только у ваших колхозников в доверительное управление, а везде, где только можно. Вскоре на каждом перекрестке в городе появятся покупатели ваучеров, предлагающие за чек десять-двадцать рублей. Если приобрести большие объемы ваучеров, то можно будет выкупить и стать владельцами или совладельцами нужных вам предприятий или акций нефтегазовых и других высокодоходных предприятий. Вам же не для личного обогащения это нужно, как многим другим, а для поддержки и развития собственного хозяйства.

У населения денег нет, но это не значит, что их нет ни у кого. Министерством финансов и Центробанком буду выдаваться кредиты отдельным людям на приватизацию. Вот и появятся новые хозяева у прибыльных предприятий, реальной стоимостью в миллиарды долларов, а выкупленные по смехотворной цене металлолома. Какие из бывших фарцовщиков эффективные собственники? Хорошо бы и вам оказаться в числе этих счастливицков.

Вновь вздохнул, собираясь высказать неприятное:

– В это подлое время невозможно руководить, отвечать за сотни людей и остаться чистым и честным. Придется обещать и не выполнять, обманывать, хитрить, крутиться, брать кредиты и не отдавать в срок. Главное – какую цель вы перед собой ставите!

– Увольте, Петр Прокофьевич! Я всегда привыкла работать честно! – воскликнула с негодованием и вскочила по-

жилая женщина в очках. – А не так, как предлагает этот молодой человек. И я не верю тому, что он здесь кликушествует! Разве можно так?

– Вы хотите, чтобы ваши дети и внуки были обеспечены, образованы и были счастливы? – взорвался я, перебив эту праведницу. – Уже сейчас подростки мечтают быть бандитами, а девчонки – проститутками. Вон, у вас недалеко трасса. Скоро женщины и девки, чтобы прокормить семью будут там подрабатывать «плечевыми», а мужики, не имея возможности заработать будут беспробудно пить, таща все, что можно продать. Молодежь и рукастые мужики побегут из села, оставив стариков. Вы этого хотите? – повысил голос. Во многих, ранее многолюдных селах в ближайшие годы не сыграют ни одной свадьбы и не родится ни одного младенца. К новому веку в начальных классах сельских школ будет по два-три ученика и те, зачатые по пьяни с дефектами и умственно-отсталые.

Поняв, что сказал лишнее, замолчал, а потом признался: – Я тоже этого не хочу, но если жизнь вам подсовывает лимон, то надо постараться сделать из него лимонад, а потомки потом пусть судят нас, вас за то, что сделали, пришлось делать и что могли сделать, но не сделали из-за принципов. «Совість чиста, зато внуки бегают с голым задом и есть просят!» – продолжил про себя, не решившись произнести это вслух.

Потом летел в Красное Село, возмущаясь про себя. Все

были шокированы моим выступлением и, похоже, не поверили и не приняли мои предложения. Нечай тоже отнесся скептически ко всему сказанному, хотя по завершении совещания, предложил всем подумать и со временем сообщить свои предложения. «Не жалеет ли, что вытащил меня выступить перед старыми и проверенными соратниками? Может, хочет дождаться скорого Указа Президента, чтобы убедиться, что я говорил правду?» – хотелось думать. Правда, возникнет вопрос – откуда я могу все это знать, ведь месяц с лишним не вылезая из дальнего села?

«Сейчас нас ждет еще одна неприятная процедура прощания, которую надо пережить!» – подумал, сворачивая к селу.

Проводы.

Думал всякое, но такого не ожидал! Возле дома наших гостеприимных хозяев собралось, казалось, все село! Вот это проводы! А мы популярны! Народ знает своих героев!

Еле проехал через расступающуюся толпу, а потом шел к крыльцу, здороваясь налево и направо за руку с мужиками, знакомыми и незнакомыми и, раскланиваясь с женщинами. Мельком заметил в толпе Алку-продавщицу, Екатерину, навязчивых школьниц, Мишку с грустными глазами и криво улыбающимся в компании деревенских друзей. Кивнул ему на вход в дом. Неожиданно наткнулся взглядом на скорбные глаза Ольги-почтальонши. «Она-то чего здесь делает в середине дня и почему скорбит?» – удивился.

В доме было полно народа. Наверное, родные и близкие хозяев имели право здесь присутствовать в отличие от остальных. Кивнул заплаканной бабе Тоне и выслушал подскочившего пьяненького Митрича.

– Че так долго? У тя же поезд через три часа! – возмутился он, размахивая руками.

Я уже начал готовить алиби, сообщив, что вечером уеду в Москву на поезде.

– Так получилось. Успею, – сообщил. – Машина перед домом, давайте грузиться! – распорядился.

– Неужель, все это время совещались? Эка! – покрутил головой и с превосходством огляделся. «Каков его гость! Самые главные люди колхоза зовут и совещаются с ним так долго!»

На улице неслось со всех сторон:

– Андрей, не уезжай!

– Мишка, до встречи!

– Приезжайте еще!

– Мы вас будем ждать!

– Оставайтесь!

Баба Тоня, обнимая и целуя вновь не выдержала и расплакалась, да и Митрич еле сдерживал слезы. Мишка крепился, кривился, но слезы текли. Некоторые женщины тоже прослезились. Махнул всем рукой – сказать было нечего и сел за руль. Еще долго в зеркале заднего вида видел толпу, машущую руками.

Возле своего дома удивился повторно. Весь багажник до капота был забит продуктами – мешок картошки, молоко, мясо, сметана, творог, масло. Кроме этого в салоне лежали свертки с пирогами, вареной курой, вяленая рыба, сушеные и соленые грибы, банки с соленьями и маринованными овощами. Мешок яблок, пакеты с ягодами Когда старики успели или всем селом собирали нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.